

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

Разсмотрѣвъ въ предъидущей книгѣ знаніе высочайшаго блага и степени разныхъ познаній, Сократъ теперь, съ намѣреніемъ объяснить *причину человеческого знанія и незнанія*, излагаетъ многозначущій и весьма замѣчательный образъ подземной пещеры. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, подземное жилище—обширнѣйшую пещеру, которая однакожъ сверху, во всю свою длину, открыта для принятія въ себя свѣта. Положимъ, что люди съ самаго дѣтства живутъ въ этой пещерѣ, и притомъ такъ, что входа въ нее не видятъ, что связанные по ногамъ и по шеѣ, они могутъ усматривать только находящееся предъ глазами, а поворачивать голову, отъ стѣсняющихъ ее оковъ, не въ состояніи. Тогда какъ люди такъ заперты и закованы въ своей пещерѣ, пусть сзади ихъ, сверху, летя къ нимъ свѣтъ огня и озаряетъ мракъ пещеры. Притомъ, между тѣмъ огнемъ и отверстіемъ пещеры пусть идетъ дорога, закрытая отъ ней стѣною. За этою стѣной вообразимъ другихъ людей, которые сами, какъ закрытые, невидимы; но они то молча, то разговаривая, проходятъ своею дорогою, неся разную рухлядь, изображенія людей и животныхъ, статуи и прочее,—и тѣни всего этого падаютъ на противоположную часть пещеры. Тѣ узники, продолжаетъ Сократъ, хотя кромѣ тѣней ничего не видятъ, однакожъ будутъ увѣрены, будто видятъ самыя вещи, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ станутъ тѣни называть тѣми же именами, какія обыкновенно даются самымъ вещамъ, даже къ этимъ тѣнямъ отнесутъ и звуки, которые издаются проходящими вверху и отражаются внутри пещеры. Еслибы теперь кто-нибудь изъ нихъ былъ освобожденъ отъ оковъ и вдругъ всталъ, — началъ

поворачивать шею, ходить и смотрѣть на свѣтъ, то конечно почувствовалъ бы боль въ глазахъ и, привыкши видѣть однѣ тѣни, не могъ бы постоянно созерцать самыя вещи. А если бы стали его увѣрять, что прежде жилъ онъ среди пустыхъ тѣней, и что теперь только приблизился къ самымъ вещамъ,— онъ усомнился бы и прежнія представленія считалъ бы болѣе правдоподобными, чѣмъ послѣднія. Поэтому, чтобы мало-помалу научиться ему переносить впечатлѣнія истинныхъ тѣлъ и истиннаго свѣта,— нужна нѣкоторая привычка. Именно,— сперва будетъ онъ легко созерцать тѣни, потомъ отразившіеся въ водѣ образы людей и животныхъ, затѣмъ легче предметы на небѣ и самое небо ночью, нежели солнце и его блескъ днемъ, а наконецъ, послѣ долговременнаго упражненія, уже не образъ солнца въ водѣ или въ другихъ вещахъ, но самое солнце. Созерцая же его долгое время, онъ пойметъ, какимъ образомъ въ немъ заключена причина суточныхъ и годовыхъ перемѣнъ, согревающей землю теплоты, плодородія въ царствѣ растений и животныхъ, цвѣтучести, красоты и зрѣлости во всѣхъ вещахъ. По этимъ степенямъ достигнувъ познанія истины, онъ неслишкомъ будетъ удивляться красотѣ тѣхъ вещей и сочтетъ себя счастливымъ, что, освободившись изъ области мрака и отъ обманчивыхъ тѣней, перешелъ въ область истины; а на жалкое состояніе оставшихся въ пещерѣ будетъ смотрѣть такъ, что охотнѣе согласится все перенести, чѣмъ возвратиться туда. Да если бы такому человѣку и пришло на мысль пойти въ прежнее мѣсто и объяснить бывшимъ своимъ товарищамъ, что онъ видѣлъ и какъ жалка жизнь ихъ,—изъ этого, безъ сомнѣнія, вышло бы то, что всѣ стали бы надъ нимъ смѣяться и сочли бы его глупцомъ, котораго глаза, отъ созерцанія предметовъ выпрєнныхъ, несчастнымъ образомъ повредились; даже, можетъ быть, постановили бы впередъ никому не восходить къ вышнимъ мѣстамъ, и тому назначили бы тяжкое наказаніе, кто захотѣлъ бы кого-нибудь избавить отъ оковъ и вывести изъ его жилища. Р. 514—517 В. Таковъ образъ человѣческой жизни! говоритъ Сократъ. Та пещера, въ которой люди связаны и видятъ только тѣни вещей, есть міръ, подлежащій чувствамъ; падающій въ пещеру блескъ огня есть солнце, котораго лучи

озаряютъ вселенную; восхожденіе къ предметамъ выспреннимъ есть тревожный порывъ нашей души—оставивъ вещи земныя, возлетать къ предметамъ, доступнымъ только уму, и въ созерцаніи ихъ находить свое удовольствіе. Изъ этого вытекаютъ слѣдующія заключенія. Въ мірѣ мыслимомъ образъ блага всего превосходнѣе: онъ познается, конечно, не безъ великаго труда; но когда бываетъ познанъ,—является источникомъ и началомъ всякой доброты и красоты и, подобно солнцу, озаряющему свѣтомъ вещи чувствопостигаемыя, доставляетъ истину и знаніе всему тому, что мыслится умомъ; поэтому, кто хочетъ правильно распоряжаться дѣлами домашними или общественными, тотъ долженъ всячески стараться получить по возможности полное понятіе о самомъ благѣ. Но достигнувъ того знанія, человѣкъ,—удивительно ли,—если презритъ предметы земные и захочетъ направляться духомъ къ созерцанію вещей божественныхъ, а созерцая вещи божественныя, не будетъ участвовать въ несеніи обязанностей человѣческихъ? И за это не слѣдуетъ укорять его; потому что философы слѣпотствуютъ, вступивъ не изъ мрака въ свѣтъ этой жизни, а наоборотъ,—изъ свѣта вещей божественныхъ низпавъ во мракъ явленій человѣческихъ. Притомъ, если сказанное о причинѣ знанія и незнанія справедливо, то, очевидно, ложно мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ себѣ возможность,—посредствомъ науки и наставленія, это самое знаніе сообщить душамъ людей невѣжествующихъ, какъ будто бы брались острое зрѣніе даровать слѣпотствующему уму. Въдѣ расположеніе знать истину прирождено природѣ всякой души, и способъ пріобрѣтенія всякаго знанія состоитъ только въ томъ, чтобы умъ, отвратившись отъ разсматриванія вещей измѣняемыхъ и непостоянныхъ, направился къ созерцанію того неизмѣняемаго высочайшаго блага. Силу для познанія истины произвести или родить нельзя; можно только дать ей направленіе, къ чему она должна быть направлена. Тогда какъ прочія силы души, имѣя нѣкоторое сходство съ свойствами тѣлесными, могутъ быть пріобрѣтаемы упражненіемъ, — способность мышленія есть нѣчто болѣе божественное, никогда не увеличивающееся и неуменьшающееся. Поэтому обыкновенно бываетъ такъ, что она является или хранительницею, или губительницею человѣ-

ка. Стало-быть, если люди, отличными талантами превосходящие другихъ, тотчасъ съ дѣтства отвергнуть дурныя пожеланія и привыкнуть направлять свой умъ къ познанію истины; то, безъ сомнѣнія, произойдетъ то, что съ какою быстротою хватаются они теперь за дѣла человѣческія, столь же быстро приобрѣтутъ понятіе о вещахъ божественныхъ. Р. 517 В—519 В.

Но такъ какъ и съ природою дѣла сообразно, и изъ предшествующаго изслѣдованія естественно вытекаетъ, что ни невѣжды, незнающіе истины, ни тѣ, которые занимаются только созерцаніемъ вещей выпренныхъ и божественныхъ, не годятся быть правителями и начальниками обществъ; то людей, по добротѣ души, вознесшихся къ познанію высочайшаго блага, должны мы убѣждать и побуждать, чтобы, оставивъ высшую область вещей божественныхъ, они снова спустились въ дольную страну человѣческую. Хотя это представляется и несправедливымъ,—потому что такимъ образомъ мы отнимаемъ у нихъ плодъ высочайшаго блаженства, приобрѣтенный ими чрезъ размышленіе о предметахъ выпренныхъ; но законодатель долженъ заботиться не о томъ, чтобы благоденствовало которое-нибудь одно сословіе гражданъ, а о томъ, чтобы возрастало и укрѣплялось благоденствіе всего общества. Поэтому мы имѣемъ право убѣждать философовъ, чтобы они не нерадѣли о дѣлѣ общественномъ, тѣмъ болѣе, что обязаны обществу своимъ воспитаніемъ, о которомъ заботилось оно съ нѣжностію матери. Притомъ, такъ какъ они знаютъ самую сущность красоты, справедливости и доброты, то лучше всего могутъ судить, что въ дѣлахъ человѣческихъ по-истинѣ справедливо и честно, и потому будутъ доставлять обществу безопасность и спокойствіе. Да они, какъ люди мудрые и правдивые, конечно, и не отвергнутъ такого прошенія, но управленіе обществомъ примутъ на себя какъ бремя, помня, что надобно жить не для себя только, но и для отечества. Р. 519 В — 521 В.

Послѣ сего спрашивается: въ какихъ наукахъ и искусствахъ души стражей должны быть столь свѣдуши, чтобы могли вознестись къ понятію о высочайшемъ благѣ? Разсматривая этотъ вопросъ, надобно имѣть въ виду то, что сказано было въ предъидущемъ разсужденіи, что, то-есть, для сохраненія безопасно-

сти домашней и общественной, стражи должны быть мужественны. Итакъ, надобно изслѣдовать ту сторону науки, которую она приготовила бы душу и для высокой области философіи, и для воинскаго поприща. Этой пользы не можетъ доставить ни гимнастика, заботящаяся только о тѣлѣ, ни музыка, занимающаяся только внушеніемъ благопристойности и честности, но ничего неприносящая для тонкости знанія. Еще менѣе способствуютъ къ этому работы сидячія; потому что онѣ требуютъ только ревности и труда рукъ. Поэтому остается искать искусство, отличное отъ всѣхъ сказанныхъ. Такое искусство есть *арифметика*, безъ которой не можетъ обойтись ни наука воинская, ни какая-нибудь иная часть знанія и образованія. Да она и не такъ мало имѣетъ вліянія на развитіе души, чтобы не могла возносить ее къ созерцанію вещей божественныхъ, хотя такую ея силу въ обыкновенномъ быту удивительно какъ пренебрегаютъ. Если вещи чувствопостигаемыя таковы, что либо чувствуются сами по себѣ и, однажды почувствованныя, не возбуждаютъ ума къ высшему изслѣдованію истины, либо производятъ въ насъ различныя ощущенія и разнообразіемъ ихъ вызываютъ умъ къ сужденію, а душу къ дѣятельности; то арифметика должна быть относима ко второму роду вещей; потому что имѣетъ дѣло съ многоразличнымъ соединеніемъ чиселъ. Особенность каждаго числа состоитъ въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ нѣчто противное: въ немъ съ одной стороны мыслится одно, съ другой множество. Посему эту часть науки стражи наши обязаны изучать со всею тщательностію, тѣмъ болѣе, что она весьма приложима къ нуждамъ войны. Однакожъ они не должны останавливаться на той арифметикѣ народной, которая имѣетъ въ виду только матеріальную выгоду, но въ силѣ и природѣ чиселъ пусть идутъ далѣе и размышляютъ о числахъ такъ называемыхъ отвлеченныхъ и идеальныхъ; ибо такимъ образомъ не только сдѣлаются сообразительными во всѣхъ другихъ дѣлахъ, но еще приучатся возносить душу къ созерцанію истинной ея природы. Р. 521 С — 526 С.

Съ арифметикою тѣснѣйшимъ образомъ связана и *геометрія*, которая, съ одной стороны, особенно приложима къ наукѣ воинской, съ другой—чрезвычайно способствуетъ къ тонкому обра-

зованію души. Посему будущіе начальники общества должны быть упражняемы и въ этой наукѣ. Но она должна быть изучаема не такъ, какъ обыкновенно изучаютъ ее геометры, которые, останавливаясь только на фигурахъ, подлежащихъ чувствамъ, о фигурахъ, свободныхъ отъ всякой матеріальной примѣси, не хотятъ и думать. Кто желаетъ получить отъ нея истинную пользу, тотъ долженъ отвлекать свой умъ отъ вещей видимыхъ, созерцать безтѣлесное и смотрѣть на самую величину, на всѣ ея отношенія внѣ матеріи. Черезъ это душа нетолько сдѣлается способною къ дѣламъ человѣческимъ, но еще привыкнетъ возбуждаться къ созерцанію самой истины вещей и сущности ихъ. Р. 526 С — 527 С.

За геометрию слѣдуетъ *астрономія*, которая, и сказать нельзя, какъ возвышаетъ душу къ созерцанію предметовъ небесныхъ и божественныхъ. Столь дивный порядокъ звѣздъ, столь правильное и строго подчиненное законамъ движеніе неба не можетъ не отрывать души отъ грязныхъ впечатлѣній тѣлесности и, когда она разсматриваетъ причины и условія небесныхъ явленій, не можетъ не восторгать ее къ созерцанію истины. Такъ какъ эта наука нетолько весьма полезна для земледѣлія, для мореплаванія, для веденія войнъ, но и дѣлаетъ то, что душа, оставивъ вещи земныя, старается восходить къ истинно-сущему; то само собою слѣдуетъ, что будущимъ стражамъ общества знать ее совершенно необходимо. Р. 527 D—530 С.

Не надобно презирать и *музыки*, принимаемой въ смыслѣ тѣснѣйшемъ и имѣющей нѣкоторое сродство съ астрономіею. Но и эта наука должна быть уважаема и изучаема не такъ, чтобы вся состояла только въ ловкомъ владѣніи музыкальнымъ инструментомъ и въ тонкомъ судѣ слуха, каковымъ заблужденіемъ увлекаются многіе, — а такъ, чтобы разныя сочетанія звуковъ изслѣдываемы и познаваемы были умомъ. Только черезъ это души учащихся привыкнутьъ съ удовольствіемъ останавливаться на созерцаніи вещей возвышенныхъ. Притомъ надобно бываетъ изслѣдовать отношеніе и связь отдѣльныхъ наукъ; а это значитъ опредѣлять гармонію ихъ. Р. 530 С — 531 С.

Всѣ эти науки, однакожъ, должны служить какбы только введеніемъ въ *диалектику*, которая изъ всѣхъ ихъ—самая важ-

ная и превосходная. Она исключительно занимается изслѣдованіемъ и знаніемъ тѣхъ вещей, которыя не подлежатъ чувствамъ и могутъ быть постигаемы однимъ умомъ и мышленіемъ. Поэтому между діалектикою и прочими науками — такое же отношеніе, какое показано было между свѣтомъ солнца и сіяніемъ огня, освѣщающаго описанную пещеру; такъ что душѣ, чтобы понять силу и превосходство діалектики, надобно пройти столько же степеней, сколько надлежало пройти ихъ тому, кто, съ дѣтства привыкши къ пустымъ тѣнямъ, сперва не могъ сносить и огня, а потомъ мало-по-малу достигъ до того, что могъ съ величайшимъ изумленіемъ и удовольствіемъ созерцать даже свѣтъ солнечный. Діалектика состоитъ въ одномъ мышленіи ума; потому что единственная цѣль ея — изслѣдовать силу и природу каждой вещи и никогда не пользоваться предположеніями, какъ пользуются ими другія науки. Такимъ образомъ, діалектикѣ слово *наука* принадлежитъ по преимуществу; такъ какъ она одна имѣетъ своимъ предметомъ бытіе истинное. Если же таково превосходство этой науки, то вводить въ нее надобно только тѣхъ, которые отличаются величіемъ души, тонкостію сужденія, воспріимчивостію памяти, крѣпостію и постоянствомъ силъ; ибо всѣ порицанія философіи, — а ихъ множество, — происходятъ отъ того, что люди, способные къ другимъ занятіямъ, приступаютъ и къ философіи, и превратностію своихъ мыслей дѣлаютъ то, что прекраснѣйшая наука у невѣжественнаго народа подвергается презрѣнію. Р. 531 В — 536 С.

Обозрѣвъ кругъ наукъ, которыми должны заниматься стражи общества, теперь остается показать способъ и возрастъ, въ которомъ надобно имъ приступать къ этимъ занятіямъ. Души юношей нужно съ самаго дѣтства питать науками, и прежде всего такъ называемыми приготовительными, именно музыкою, гимнастикой и другими, предшествующими діалектикѣ. Преподавая науки, надобно остерегаться, чтобы никто не занимался ими противъ воли; ибо что внушается душѣ по-неволѣ, то не удерживается ею крѣпко. Преподаваніе должно быть какбы игрою, причемъ легче будетъ замѣтить и то, къ чему особенно склоненъ умъ учащагося. Когда же совершится юношамъ двадцать лѣтъ, — тѣ изъ нихъ, которые признаны будутъ отличными, не

только должны быть украшены наградами, но должны получать и дальнѣйшее образованіе. А это будетъ такъ, что преподаваемое имъ прежде по частямъ должно быть приведено въ одну форму науки, чтобы тѣмъ яснѣ видна была взаимная связь тѣхъ частей. Изъ этого-то уже будетъ совершенно понятно, кто изъ нихъ способенъ изучать діалектику. Занимая ихъ этою наукою до тридцати-лѣтняго возраста, потомъ должно снова испытать, которые изъ нихъ особенно отличаются тонкостію сужденія и остроуміемъ. Послѣ чего, признанные остроумнѣйшими должны быть отдѣлены и въ продолженіе пяти лѣтъ упражняемы въ діалектикѣ, чтобы узнать, кто изъ нихъ, презрѣвъ обманчивость чувствъ, способенъ къ созерцанію истиннаго и добраго. При этой части наставленій надобно внимательно смотрѣть, чтобы душами юношей не овладѣла страсть къ спорамъ, и чтобы, при равной силѣ спорящихъ сторонъ о всякомъ предметѣ, не сложилось нелѣпаго убѣжденія, что люди не могутъ знать ничего опредѣленнаго, и не погасла любовь къ изслѣдованію истины. По окончаніи срочнаго времени для этихъ занятій, т. е. отъ тридцати-пяти лѣтъ до пятидесяти, учившіеся несутъ общественныя должности. Тѣ, которые своею службою оправдали возлагавшуюся на нихъ надежду, возводятся на самую высоту наставленій, то-есть къ созерцанію *самаго блага*, отъ котораго души ихъ должны получить образъ высочайшей добродѣтели и совершенства, по подобію котораго будутъ какъ строить собственные свои нравы, такъ и управлять — каждый на своемъ мѣстѣ—обществомъ, пока, оторванные отъ земныхъ дѣлъ, не перейдутъ на острова блаженныхъ. Что сказано здѣсь о мужчинахъ, то же должно сказать и о женщинахъ; потому что и онѣ, какъ положено выше, должны нести должности общественныя. Р. 536 С—541 В. Въ концѣ—немногое объ основаніяхъ совершеннѣйшаго государства.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

514. Послѣ этого-то, сказалъ я, нашу природу, со стороны образованія и необразованности, уподобь вотъ какому состоянію. Вообрази людей какбы въ подземномъ пещерномъ жилищѣ ¹, которое имѣетъ открытый сверху и длинный во всю пещеру входъ для свѣта. Пусть люди живутъ въ ней съ дѣтства, скованные по ногамъ и по шеѣ, такъ чтобы пребывая здѣсь, В. могли видѣть только то, что находится предъ ними, а поворачивать голову вокругъ, отъ узъ, не могли. Пусть свѣтъ доходить до нихъ отъ огня, горящаго далеко вверху и позади ихъ, а между огнемъ и узниками на высотѣ пусть идетъ дорога, противъ которой вообрази стѣну, построенную на подобіе ширмъ, какія ставятъ фокусники предъ зрителями, когда изъза нихъ показываютъ свои фокусы.—Воображаю, сказалъ онъ.—Смотри же,—мимо этой стѣны люди несутъ выставяющіеся надъ стѣною разные сосуды, статуи и фигуры — то чело-515. вѣческія, то животныя, то каменные, то деревянные, сдѣланныя различнымъ образомъ, и что будто бы одни изъ проносящихся издаютъ звуки, а другіе молчатъ. — Станный начертываешь ты образъ и странныхъ узниковъ, сказалъ онъ. —

¹ *Porphyr. de antr. Nymph.* с. 8: οἱ Πυθαγόρειοι καὶ μετὰ τοὺτους Πλάτων ἄντρον καὶ σπήλαιον τὸν κόσμον ἀπεζήναντο. Παρὰ γὰρ Ἐμπεδοκλεῖ αἱ ψυχοπομποὶ δυνάμεις λέγουσιν· ἤλυθόμεν τόδ' ὑπ' ἄντρον ὑπέστεγον. См. *Sturdsium* p. 454 sq. Такой же рассказъ у *Плотина*, *Ennead.* IV, 8, I, p. 469 В. *Procl.* p. 7.

Похожихъ на насъ, примолвилъ я. Развѣ ты думаешь, что эти узники на первый разъ какъ въ себѣ, такъ и одинъ въ другомъ видѣли что-нибудь иное, а не тѣни, падавшія отъ огня на находящуюся предъ ними пещеру? — Какъ же иначе, сказалъ онъ, если они принуждены во всю жизнь оставаться В. съ неподвижными-то головами? — А предметы проносимые — не то же ли самое? — Что же иное? — Итакъ, если они въ состоянїи будутъ разговаривать другъ съ другомъ, — не думаешь ли, что имъ будетъ представляться, будто, называя видимое ими, они называютъ проносимое? — Необходимо. — Но что, еслибы въ этой темницѣ прямо противъ нихъ откликалось и эхо, какъ скоро кто изъ проходящихъ издавалъ бы звуки, — къ иному ли чему, думаешь, относили бы они эти звуки, а не къ проходящей тѣни? — Клянусь Зевсомъ, не къ иному, сказалъ онъ. — Да и истиною-то, примолвилъ я, эти люди бу- С. дутъ почитать безъ сомнѣнїя не иное что, какъ тѣни. — Весьма необходимо, сказалъ онъ. — Наблюдай же, продолжалъ я: — пусть бы, при такой ихъ природѣ, приходилось имъ быть разрѣшенными отъ узъ и получить исцѣленіе отъ бессмысленности, какова бы она ни была; пусть бы кого-нибудь изъ нихъ развязали, вдругъ принудили встать, поворачивать шею, ходить и смотрѣть вверхъ на свѣтъ: дѣлая все это, не почувствовалъ ли бы онъ боли, и отъ блеска не ощутилъ ли бы D. безсилїя взирать на то, чего прежде видѣлъ тѣни? И что, думаешь, сказалъ бы онъ, еслибы кто сталъ ему говорить, что тогда онъ видѣлъ пустяки, а теперь, повернувшись ближе къ существу и болѣе дѣйствительному, созерцаетъ правильнѣе, и еслибы даже, указывая на каждый проходящій предметъ, принудили его отвѣчать на вопросъ, что такое онъ, — пришелъ ли бы онъ, думаешь, въ затрудненіе и не подумалъ ли бы, что видѣнное имъ тогда истиннѣе, чѣмъ указываемое теперь? — Конечно, сказалъ онъ. — Да хотя бы и принудили его смот- E. рѣть на свѣтъ, не страдалъ ли бы онъ глазами, не бѣжалъ ли бы, повернувшись къ тому, что могъ видѣть, и не думалъ ли бы, что это дѣйствительно яснѣе указываемаго? — Такъ,

сказалъ онъ. — Если же кто, продолжалъ я, сталъ бы влечь его насильно по утесистому и крутому всходу, и не оставилъ бы, пока не вытащилъ на солнечный свѣтъ, то не болѣзновалъ ли бы онъ и не досадовалъ ли бы на влекущаго и, когда вышелъ

516. бы на свѣтъ, — ослѣпляемые блескомъ глаза могли ли бы даже видѣть предметы, называемые теперь истинными? — Вдругъ-то, конечно, не могли бы, сказалъ онъ. — Понадобилась бы, думаю, привычка, кто захотѣлъ бы созерцать горнее: сперва легко смотрѣлъ бы онъ только на тѣни, потомъ на отражающіяся въ водѣ фигуры людей и другихъ предметовъ, а наконецъ и на самые предметы; и изъ этихъ находящіяся на небѣ и самое

B. небо легче видѣлъ бы ночью, взирая на сіяніе звѣздъ и луны, чѣмъ днемъ — солнце и свойства солнца. — Какъ не легче! — И только наконецъ уже, думаю, былъ бы въ состояніи усмотрѣть и созерцать солнце, — не изображеніе его въ водѣ и въ чуждомъ мѣстѣ, а солнце само въ себѣ, въ собственной его области. — Необходимо, сказалъ онъ. — И послѣ этого-то лишь заключилъ бы о немъ, что оно означаетъ времена и лѣта и, въ

C. видимомъ мѣстѣ всѣмъ управляя, есть нѣкоторымъ образомъ причина всего, что усматривали его товарищи. — Явно, сказалъ, что отъ того перешелъ бы онъ къ этому. — Что же? вспоминая о первомъ житьѣ, о тамошней мудрости и о тогдашнихъ узникахъ, не думаешь ли, что свою перемѣну будетъ онъ ублажать, а о другихъ жалѣть? — И очень. — Вспоминая также о почестяхъ и похвалахъ, какія тогда воздаваемы были имъ другъ отъ друга, и о наградахъ тому, кто съ проникательностію смотрѣлъ на проходящее и внимательно замѣчалъ, что

D. обыкновенно бываетъ прежде, что потомъ, что идетъ вмѣстѣ, и изъ этого-то могущественно угадывалъ, что имѣеть быть, — пристрастенъ ли онъ будетъ, думаешь, къ этимъ вещамъ и станетъ ли завидовать людямъ между ними почетнымъ и правительственнымъ, или скорѣе придетъ къ мысли Омира¹ и

¹ Приводятся слова Ахиллеса у Омира, *Odys.* X, 428; снес. *Libr.* III, p. 286 C.

сильно захочетъ лучше идти въ деревню работать на другаго человѣка бѣднаго, и терпѣть чтобы то ни было, чѣмъ водиться такими мнѣніями и такъ жить?—Такъ и я думаю, сказалъ Е. онъ; лучше принять всякія мученія, чѣмъ жить по-тамошнему. — Замѣть и то, продолжалъ я, что еслибы такой сошелъ опять въ ту же сидѣльницу и сѣлъ, то, послѣ солнечнаго свѣта, глаза его не были ли бы вдругъ объаты мракомъ?—Ужъ конечно, сказалъ онъ.—Но указывая опять, если нужно, на прежнія тѣни и спора съ тѣми всегдашними узниками, пока 517. не отупѣлъ бы, установивъ снова свое зрѣніе,—для чего требуется некрatkвременная привычка,—не возбудилъ ли бы онъ въ нихъ смѣха, и не сказали ли бы они, что, побывавъ вверху, онъ возвратился съ поврежденными глазами, и что поэтому не слѣдуетъ даже пытаться восходить вверху? А кто взялся бы разрѣшить ихъ и возвестъ, того они, лишь бы могли взять въ руки и убить, убили бы.—Непремѣнно, сказалъ онъ.—Такъ этотъ-то образъ, любезный Главконъ, продолжалъ я, надобно весь прибавить къ тому, что сказано прежде, видимую В. область зрѣнія уподобляя житю въ узилищѣ, а свѣтъ огня въ немъ—силѣ солнца. Если притомъ положишь, что восхождение вверху и созерцаніе горнаго есть восторженіе души въ мѣсто мыслимое, то не обманешь моей надежды ¹, о которой желаешь слышать. Богъ знаетъ, вѣрно ли это; но представляющееся мнѣ, представляется такъ: на предѣлахъ вѣденія идея блага едва созерцается; но будучи предметомъ созерцанія, даетъ право умозаключать, что она во всемъ есть при С. чина всего праваго и прекраснаго, въ видимомъ родившая свѣтъ и его господина, а въ мыслимомъ сама госпожа, дающая истину и умъ, и что желающій быть мудрымъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ долженъ видѣть ее. — Тѣхъ же мыслей и я, сказалъ онъ, только бы мочь какъ-нибудь. — Ну такъ прими и ту мысль, примолвилъ я, и не удивляйся, что

¹ Не обманешь моей надежды, то-есть не отступишь отъ моего мнѣнія, въ истинность котораго я вѣрую, или на истинность котораго надѣюсь.

- Д. здѣшніе пришлецы не хотятъ жить по-человѣчески, но душами своими возносятся вверхъ, чтобы обитать тамъ; ибо это естественно, если только, по начертанному образу, справедливо. — Конечно естественно, сказалъ онъ. — Что же? находишь ли ты что-нибудь удивительнаго, спросилъ я, если кто, отъ божественныхъ созерцаній перешедши къ дѣламъ человѣческимъ, гнушается злымъ и представляется очень смѣшнымъ¹, а вмѣстѣ тупѣетъ и, пока не привыкнетъ достаточно къ настоящему мраку, принужденъ бываетъ бороться въ судилищахъ и въ другихъ мѣстахъ относительно тѣней справедливости и образовъ, отъ которыхъ произошли эти тѣни, и спорить о томъ, какъ понимаютъ справедливость люди, никогда ее невидывавшіе? — Нисколько не удивительно, сказалъ онъ.
518. — Но кто уменъ, примолвилъ я, тотъ припомнитъ, что поражение глазъ бываетъ двоякое и отъ двухъ причинъ: когда они изъ свѣта переносятся во тьму, и когда изъ тьмы — въ свѣтъ. Полагаю, что то же самое бываетъ и съ душою: человѣкъ умный, какъ скоро видитъ, что кто-нибудь возмущенъ и не можетъ чего-либо усматривать, не станетъ безразсудно смѣяться, но будетъ наблюдать, пришедши ли изъ свѣтлѣйшей жизни, душа его помрачилась отъ непривычки, или перешедши отъ
- В. великаго невѣжества въ свѣтлѣйшее состояніе, поражена она сильнѣйшимъ блескомъ, и потому послѣднюю за ея состояніе и жизнь будетъ ублажать, а о первой сожалѣть, и еслибы надъ тою захотѣлъ посмѣяться, то смѣхъ его былъ бы менѣе смѣшонъ, чѣмъ смѣхъ надъ этою, пришедшею свыше — изъ свѣта. — И весьма мѣтко говоришь ты, сказалъ онъ. — Если же это справедливо, замѣтилъ я, то мы должны полагать, что наставленіе бываетъ не таково, о какомъ иные говорятъ въ своихъ объявленіяхъ. А говорятъ они, кажется такъ, что если
- С. въ душѣ и нѣтъ знанія, — они вложатъ его, какъ будто бы со-

¹ Указывается на понятіе народа о философахъ, какъ о людяхъ странныхъ и смѣшныхъ, о чемъ слегка сказано *libr. VI, p. 487*, а нѣсколько обстоятельнѣе говорится въ *Gorg. p. 484 C sq.*

бирались вложить зрѣніе въ слѣпые глаза¹. — Да, говорятъ, сказалъ онъ. — Но теперешнее-то разсужденіе, продолжалъ я, указываетъ вотъ на какую, находящуюся въ душѣ каждого силу и орудіе, посредствомъ чего учится всякій. Какъ глазу нельзя было повернуться отъ темнаго къ свѣтлому, не повертываясь всѣмъ тѣломъ: такъ и душѣ невозможно перейти всей отъ бывающаго, пока она не сдѣлается способною вознестись созерцаніемъ къ сущему и къ сіянію сущаго. А это D. мы называемъ благомъ. Не такъ ли? — Да. — Искусство же, руководствующее къ этому самому, сказалъ я, показываетъ, какимъ образомъ легче и успѣшнѣе распорядиться — не то чтобы глазамъ дать зрѣніе, но чтобы, когда зрѣніе-то и есть, да оно неправильно направлено и смотритъ не туда, куда должно, ухитриться направить его понадлежащему и заставить смотреть на то, на что слѣдуетъ². — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Прочія такъ называемыя добродѣтели души, должно быть, дѣйствуютъ ближе къ тѣлу, ибо въ самомъ дѣлѣ предварительно находятся не въ душѣ, но пріобрѣтаются послѣ — привычкою и упражненіемъ: напротивъ, разумность есть что-то, E. какъ видно, болѣе всего божественное; она никогда не теряетъ силы, а только, подъ вліяніемъ руководства, бываетъ либо хорошею и полезною, либо нехорошею и вредною. Развѣ ты еще 519. не замѣчалъ, какъ проникательно смотритъ душонка людей такъ называемыхъ злыхъ, но мудрыхъ, и какъ остро прози-

¹ Сократъ произноситъ ту самую мысль, которую высказалъ Тезей у *Эрипиды*, *Pyrolyt.* v. 917: ὦ πόλλ' ἀμαρτάνοντες ἄνθρωποι μάθην, τί δὴ τέχνας μὲν μυρίας διδάσχετε, καὶ πάντα μηχανᾶσθε κἀξευρίσχετε, ἐν δ' οὐκ ἐπίστασθ' οὐδ' ἐθηράσασθί πε, φρονεῖν διδάσκειν, οἷσιν οὐκ ἔνεστι νοῦς; «какъ много попусту погрѣшаете вы, люди! зачѣмъ преподаете такую тьму искусствъ? все ухищряетесь и изыскиваете; одного только не умѣете и какъ-то не понимаете, — научить разуму того, у кого нѣтъ ума.»

² Въ греческомъ текстѣ эта мысль выражена весьма сжато; слова: τίνα τρόπον μεταστράφησεται; по-русски надобно перевести: какимъ образомъ перевернуться, то-есть распорядиться? Отъ этого глагола μεταστρέφασθαι зависитъ глаголь διαμηχανήσασθαι ὡςτε ὀρθῶς τρέπεσθαι καὶ βλέπειν οἱ δεῖ; такъ что полное выраженіе могло бы быть таково: τίνα τρόπον ὡς ῥᾶσά τε καὶ ἀνυσιμῶτατα μεταστράφησεται, οὗ τοῦ ἐμποῖησαι αὐτῷ τὸ ὄραν, ἀλλ' ὡς ἔχοντι μὲν αὐτὸ (τὸ ὄραν), οὐκ ὀρθῶς δὲ τετραμμένῳ οὐδὲ βλέποντι οἱ εἶδει, διαμηχανήσασθαι ὡςτε ὀρθῶς τρέπεσθαι καὶ βλέπειν οἱ δεῖ.

раетъ въ то, къ чему обращается? Недурное имѣя зрѣніе и однакожь понуждаясь служить злу, она чѣмъ глубже видитъ, тѣмъ больше дѣлаетъ зла.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.— Если въ такой природѣ, продолжалъ я, это самое, тотчасъ

В. съ дѣтства обсѣваемое, будетъ обсѣчено, какбы отъ свинцовой тяжести, отъ прирожденныхъ наклонностей, которыя, находя пищу въ яствахъ, въ ощущаемыхъ отъ нихъ удовольствіяхъ и лакомствѣ, направляютъ зрѣніе души книзу; то, освободившись отъ нихъ, эта самая природа способныхъ людей обратится къ истинѣ и столь же остро будетъ видѣть ее, сколь остро видитъ теперь то, къ чему направляется.— Вѣроятно, сказалъ онъ.— Что же далѣе? а то не невѣроятно, спросилъ я, и не необходимо слѣдуетъ изъ сказаннаго,

С. что не будутъ удовлетворительно управлять городомъ ни тѣ, которые невыучены и незнакомы съ истиною, ни тѣ, которымъ позволяется до конца заниматься наукою: послѣдніе потому, что не имѣютъ въ жизни опредѣленной цѣли, сообразуясь съ которой должны дѣлать все, что ни дѣлали бы частно и публично; а первые потому, что не имѣютъ собственной охоты къ дѣятельности и думаютъ, будто мѣсто ихъ жительства—просто острова блаженныхъ ¹.— Правда, сказалъ онъ.— Значить, наше дѣло, продолжалъ я,—

¹ Миѣнь объ островахъ блаженныхъ встрѣчается въ мифологіи почти всѣхъ языческихъ народовъ древности, и вездѣ означалъ мѣсто загробнаго блаженства душъ, или рай. Язычники представляли, что души людей, жившихъ здѣсь благочестиво, будутъ взяты Зевсомъ и отведены въ его городъ — на острова блаженныхъ (*Pindari Olimp.* II, 126). Описаніями блаженной жизни на этихъ островахъ наполнены и корабельныя сказки Финикіянъ, которые полагали свои острова гдѣ-то на западѣ. На западѣ же представляли мѣсто блаженныхъ и Египтяне, вѣрившіе, что послѣ смерти души ихъ будутъ поселены на ливійскихъ оазисахъ, съ которыми граничитъ царство Кроноса, избравшаго себѣ въ жительство самую отдаленную небесную планету. *Creuz. Symb. u. Mythol.* III, 170. По Продоту (III, 26), острова блаженныхъ находились въ ливійской пустынѣ, на семь дней пути отъ Фивъ, и лежали у западнаго берега Нила, гдѣ впоследствии отыскано множество царскихъ гробницъ. Было также мѣсто блаженства и у Фракіянъ, которые вѣрили, что души умершихъ отходятъ къ ихъ герою или богу, Замоксису,—куда-то на западъ, и тамъ населяютъ острова блаженныхъ. *Creuz. Symb. u. Mythol.* II, 12.

мы, основатели, должны побуждать наилучшія природы направляться къ той наукѣ, которую назвали прежде величайшею, чтобы, созерцая благо, онѣ восходили на ту высоту, D. когда же взойдутъ и будутъ достаточно видѣть, не ввѣрятъ имъ того, что теперь ввѣряется. — Что такое? — Онѣ должны оставаться при своемъ, отвѣчалъ я, не нисходить снова къ тѣмъ узникамъ ¹ и не принимать участія въ ихъ трудахъ и почестяхъ, худы ли будутъ эти почести, или хороши. — Но такъ-то, сказалъ онъ, мы обидимъ наилучшія природы и сдѣлаемъ то, что онѣ будутъ жить хуже, когда могли бы лучше. E. — Ты опять забылъ, другъ мой, замѣтилъ я, что законодатель заботится не о томъ, какъ бы сдѣлать счастливымъ въ городѣ особенно одинъ какой-нибудь родъ, но старается устроить счастье цѣлаго города, приводя гражданъ въ согласіе убѣжденіемъ и необходимостію, — въ той мысли, что они будутъ вообще приносить другъ другу пользу, какую кто мо- 520. жетъ, и самъ поставляетъ въ городѣ такихъ людей, не пуская ихъ обращаться ², куда кто хочетъ, но располагая ими приспособительно къ связности города. — Правда, сказалъ; я въ самомъ дѣлѣ забылъ. — Притомъ разсуди, Главконъ, продолжалъ я, вѣдь мы не обидимъ людей, сдѣлавшихся у насъ философами, когда будемъ говорить имъ правду, заставляя ихъ заботиться о другихъ и быть имъ охранителями. Мы ска- B. жемъ, что въ другихъ городахъ такіе люди въ правѣ не заниматься городскими трудами; потому что тамъ учились они сами по себѣ, независимо отъ своего правительства; самоучки же, никому необязанные воспитаніемъ, имѣютъ право не выражать признательности за воспитаніе: напротивъ, васъ родили мы, — родили будто въ пчелиномъ ульѣ, чтобы вы

¹ Подъ узниками философъ разумѣетъ здѣсь прочія низшія сословія гражданъ, занимающихся ремеслами и земледѣіемъ, представляя, что они не вынесутъ свѣта, къ которому стали бы обращать ихъ взоры.

² *Не пуская ихъ, οὐχ ἵνα ἀφίη.* Этимъ словомъ Сократъ намекаетъ на состояніе и жизнь τῶν ἀφρέτων, о которыхъ говорилъ, напримѣръ, въ Протагорѣ, p. 320 A.

- были вождями и царями какъ для васъ самихъ, такъ и для
 С. всего города; вамъ дали мы лучшее и совершеннѣйшее, чѣмъ
 тѣмъ, воспитаніе, и сдѣлали васъ способнѣйшими для того
 и другаго ¹. Поэтому вы должны по-очереди нисходить въ
 жилище другихъ и привыкать видѣть во мракѣ, ибо привы-
 кая къ этому, будете усматривать безконечно лучше тамош-
 нихъ, и узнаете всякіе призраки, каковы они и отъ чего,
 потому что созерцали истинную природу прекраснаго, спра-
 ведливаго и добраго. Такимъ образомъ городъ у васъ и у
 насъ будетъ управляться на-яву, а не во-снѣ, какъ управля-
 ются теперь многіе города тѣми, которые борются между со-
 D. бою попустому и возмущаются ради начальствованія, буд-
 то за какое-нибудь великое благо. Истина здѣсь, вѣроятно,
 въ слѣдующемъ: городъ, въ которомъ желающіе начальство-
 вать наименѣе домогаются начальствованія, по необходимо-
 сти управляется невозмутимо и наилучшимъ образомъ; а гдѣ
 правители противоположны, тамъ и правленіе противополо-
 жно.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Итакъ, думаешь ли,
 что наши питомцы, слыша это, откажутся у насъ и не захо-
 тятъ, каждый по-очереди, трудиться въ городѣ, но будутъ
 долго жить другъ съ другомъ въ мірѣ чисто духовномъ ²? —
 E. Невозможно, отвѣчалъ онъ; потому что мы будемъ приказы-
 вать и справедливымъ и справедливое; и каждый изъ нихъ
 возьмется за начальствованіе скорѣе всего, какъ за дѣло
 необходимое, въ противоположность нынѣшнимъ начальни-
 камъ во всякомъ городѣ.—Точно такъ, другъ мой, примол-
 виль я. Если въ пользу имѣющихъ начальствовать ты изо-
 521. брѣтешь жизнь наилучшую для начальствованія, то хорошо
 управляемый городъ для тебя сдѣлается возможнымъ; такъ

¹ Для того и другаго, то-есть, и для философіи и для отправленія должностей общественныхъ.

² Въ мірѣ чисто духовномъ; такъ понимаю я значеніе Платонова выраженія *ἐν καθαρῷ*, которое собственно то же, что *in aperto, sub divo, in loco vacuo*. *Нот.* II. VIII, 491. X, 199. Phaedr. p. 239 C: *ἐν ἡλίῳ καθαρῷ*. Здѣсь *ἐν καθαρῷ* явно противопологается *τῷ καταβαίνειν εἰς τὴν τῶν ἄλλων ζῆλοισιν*, то-есть въ мірѣ чувственныхъ образовъ.

какъ въ немъ будутъ начальствовать люди по-истинѣ богатые—не деньгами, а тѣмъ, чѣмъ долженъ быть богатъ человекъ счастливый,—доброю и разумною жизнію: напротивъ, когда начальствованіе перейдетъ въ руки бѣдняковъ, которые, жаждая личныхъ своихъ благъ, бѣгутъ къ общественнымъ должностямъ—въ намѣреніи похитить оттуда собственное благо; тогда не быть хорошо управляемому городу; ибо борьба за начальствованіе есть такая домашняя и внутренняя война, которая губить и самихъ правителей, и весь городъ.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Такъ имѣешь ли ты въ виду, спросилъ я, иную жизнь, которая презирала бы гражданское начальствованіе, кромѣ жизни истинно философской?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ.—Вѣдь конечно, не любители же начальствованія должны идти къ начальствованію; а иначе противная партія любителей вступить въ состязаніе съ ними.—Какъ не вступить?—Кого же другаго заставишь ты идти охранять городъ, какъ не тѣхъ, которые въ этомъ самые разумные, которые могутъ наилучшимъ образомъ управлять городомъ и имѣютъ въ виду другія почести и другую жизнь, лучше правительственной?—Не иного кого, сказалъ онъ.—

Хочешь ли, рассмотримъ теперь, какимъ образомъ эти люди будутъ возражаться ¹, и какъ можно возводить ихъ на

¹ Будутъ возражаться. Признаюсь,—глаголомъ ἐγγενήτοιται выражается не тотъ оттънокъ мысли, какой заключается въ словѣ *возражаться*. Этому слову ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ греческое ἐγγεννῆσαι; а ἐγγεννῆσαι значить, принимать въ себя стихіи знанія или правила жизни, долженствующія произвести актъ перерожденія. Это педагогическій способъ преобразованія человека, о которомъ Платонъ хочетъ теперь разсуждать, чтобы видно было, по какимъ степенямъ и посредствомъ какихъ наукъ души стражей должны мало по малу взойти къ созерцанію идеи высочайшаго блага. Смотри на педагогию относительно къ идеальной ея цѣли, этотъ философъ предѣлы энциклопедіи очерчиваетъ гораздо шире, чѣмъ какъ очертывалъ ихъ Сократъ. Энциклопедія Сократова обнимала только грамматику, музыку и гимнастику. (Protag. 312 A); а у Платона съ строгою постепенностію входятъ въ нее — ариметика, геометрія, астрономія, музыка и диалектика. Явно, что Сократовъ курсъ образованія становится теперь общимъ, а Платоновъ — приготовительнымъ къ дѣятельности собственно философской.

свѣтъ, подобно тѣмъ, которые и изъ ада, говорятъ, возвысились до состоянія боговъ?—Какъ не хотѣтъ? сказалъ онъ.— Это-то былъ бы, видно, не переверотъ марки ¹, а ходъ души, возносящейся изъ какого-то ночнаго дня на истинный путь сущаго,—на тотъ путь, который мы справедливо назовемъ философіею. — Безъ сомнѣнія. — Такъ не нужно ли изслѣдовать, которая изъ наукъ имѣетъ такую силу?—Какъ не нужно?—Что это была бы за наука, Главконъ, влекущая душу отъ бывающаго къ сущему? Подъ своими словами я разумѣю вотъ что: не говорили ли мы, что подвижники на войнѣ необходимо должны быть молодыми?—Говорили.—Слѣдовательно, наука, которой мы ищемъ, должна, сверхъ того, имѣть и это. —Что то-есть?—Чтобы она не была бесполезною для людей военныхъ.—Конечно должна, если возможно, сказалъ онъ.—

Е. Гимнастикѣ-то и музыкѣ они учились у насъ прежде.—Это было, сказалъ онъ.—Гимнастика корпитъ ², вѣроятно, надъ бывающимъ и погибающимъ, потому что располагаетъ ростомъ и сухостію тѣла.—Явно.—Стало-быть, это—не та наука, которой мы ищемъ.—Не та.—Такъ не музыка ли, можетъ быть, которая нами разсматриваема была прежде?—Но музыка-то, сказалъ онъ, если помнишь, соотвѣтствовала у

¹ Указывается на игру, называвшуюся *ἡ ἀσπρακινύδα*, въ которой все зависѣло отъ случая, или отъ случайнаго паденія марки, какъ бываетъ въ нѣкоторыхъ, и теперь употребительныхъ играхъ. Подобіе состоитъ въ томъ, что научное образованіе должно совершаться не безъ плана, что изучать надобно не тѣ предметы, какіе въ извѣстное время указаны будутъ какбы случайно упавшею маркою, а тѣ, которые пригодны для постепеннаго возвышенія души къ созерцанію высочайшаго блага.

² *Κορπίζει*, *τετεύχασκε*. Глаголь *τετεύχασκε* есть одно изъ тѣхъ словъ, которые ввелъ въ употребленіе первый Платонъ. Поэтому критика долго не могла установить его значеніе, и одни отождествляли его съ *τετευχότι*, другіе—съ *τετυκότι*. Оно значить то же, что наше русское *корпить*. *Καὶ μάλα εὖ λέγεις οὐ σμυκράν διαφρορὰν τῶν περὶ ἀριστῶν τετευχίζόντων*. Phileb. p. 91 A. *Ямблихъ* (Protr. p. 30), вмѣсто *τετευχότι*, полагаетъ *ἐσπουδακότι*. Древній грамматикъ у *Фотія* (Lex. Ms.) и у *Свиды* говорить: *τετεύχασκεν, πραγματούεσθαι, ἢ σκευωρεῖσθαι, ἢ στραγγίσεσθαι καὶ πολὺ διατριβεῖν ἐν τῷ αὐτῷ*. *Ориенъ* contr. Cels. VII, p. 349: *οὐ χρὴ ἡμᾶς τετεύχασκεν περὶ τὰ μὴ ἀναγκαῖα*. Но *τετεύχασκεν* не должно быть смѣшиваемо съ *ταυτάζειν* — дѣлать одно и то же.

насъ гимнастикѣ ¹: она образуетъ нравы стражей, то-есть, чрезъ гармонію сообщаетъ имъ—не то-что знаніе, а какую-то благонастроенность, чрезъ риѣмъ приучаетъ къ такту, да и рѣчамъ даетъ подобныя, какія имѣеть, свойства, будутъ ли эти рѣчи вымышлены, или истинны. А науки для такого блага, какого ты теперь ищешь, въ ней не было.—Ты весьма **В.** точно напоминаешь мнѣ, сказалъ я; въ ней дѣйствительно нѣтъ ничего такого. Но, почтеннѣйшій Главконъ! какая же это наука? Вѣдь всѣ искусства казались намъ ремеслами.—Какъ не ремеслами? Такъ какая же еще остается наука, по отдѣленіи музыки, гимнастики и искусствъ?—Пускай мы ничего не можемъ взять внѣ ихъ, отвѣчалъ я; но возьмемъ что-нибудь, относящееся ко всѣмъ имъ.—Что именно?—Напри- **С.** мѣръ, это общее, чѣмъ пользуются всѣ искусства, всякое размышленіе и знаніе, и что всякому необходимо знать напередъ.—Что же это? спросилъ онъ.—Бездѣлица, отвѣчалъ я,—умѣть различать одно, два, три: называю это вообще числомъ и счетомъ. Развѣ они не таковы, что всякое искусство и знаніе принуждено принимать ихъ въ участіе?—И очень, сказалъ онъ.—Стало-быть, и искусство воинское? спросилъ я.—Весьма необходимо, отвѣчалъ онъ.—А между тѣмъ весьма смѣшно, сказалъ я, какъ Паламидъ въ трагедіи всякій разъ вы- **D.** ставляетъ вождя Агамемнона. Замѣтилъ ли ты, что Агамемнонъ, по словамъ Паламида, изобрѣтатель числа, расположилъ лагерь подъ Троею, исчислилъ корабли и все прочее, какъ будто прежде это не считалось, и Агамемнонъ, видно, не зналъ даже, сколько у него ногъ, если не умѣлъ считать ²?

¹ О музыкѣ, какъ искусствѣ, умѣряющемъ жесткость силъ, развиваемыхъ гимнастическими упражненіями, Сократъ рассуждалъ выше, въ книгѣ третьей. Тамъ музыка разсматриваема была со стороны ея вліянія на образованіе нрава, поколику смягчаемый ею нравъ долженъ обуздывать физическую силу тѣла: напротивъ, теперь она должна быть разсмотрѣна какъ искусство, восторгающее душу въ міръ идеальный. Поэтому въ первомъ случаѣ она была *ἀντιστροφόν τῆς ὑμναστικῆς*, а въ послѣднемъ Сократъ хочетъ разумѣть ее, какъ приготовительницу къ философіи.

² Эту басню приводитъ *Theo Smyrn.* p. 7, ed. Celder., а *Bullialdus*, объясняя

Какимъ же образомъ могъ онъ, думаешь, быть вождемъ? —

- Е. Странно, если это правда, сказалъ онъ. — Такъ не положить ли, спросилъ я, что для военнаго человѣка особенно необходима наука исчислять и рассчитывать? — Да, всего болѣе, отвѣчалъ онъ, если хочеть онъ хоть немного знать распорядокъ войска, а и того болѣе, если хочеть быть человѣкомъ. — Но думаешь ли ты, говорю, объ этой наукѣ то же, что я?
523. — Что такое? — Что она, должно быть, по природѣ, относится къ числу наукъ, располагающихъ мыслить о томъ, чего мы ищемъ; только никто не пользуется ею правильно, какъ наукою, влекущую непремѣнно къ сущности. — Какъ ты говоришь? спросилъ онъ. — Постараюсь объяснить тебѣ, что мнѣ то кажется, отвѣчалъ я; а ты наблюдай вмѣстѣ со мною, что буду я различать въ себѣ, возводитъ ли это къ тому, о чемъ говоримъ¹, или не возводитъ, и либо подтверждай, либо отрицай, чтобы яснѣе увидѣть, справедлива ли моя догадка. — Показывай, сказалъ онъ. — Да вотъ и показываю, продолжалъ я:
- В. усматриваешь ли, что одно въ чувствахъ не вызываетъ размышленія къ изслѣдованію, поколику достаточно оцѣнивается самымъ чувствомъ, а другое непремѣнно требуетъ изслѣдованія со стороны размышленія, поколику чувство здѣсь не дѣлаетъ ничего здраваго²? — Явно, что ты разумѣешь кажущееся вдали и рисующееся тѣнями, сказалъ онъ. — Не со-

ее, говорить, что она взята изъ «Паламида», составляющаго заглавіе одной басни Софокла. Но эта шутка надъ Агамемнономъ встрѣчается и у другихъ трагиковъ; посему можно думать, что Паламида понималъ здѣсь Платонъ, какъ лицо родовое или нарицательное — въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы собственное имя иногда употребляемъ въ множественномъ числѣ. Такою насмѣшкою трагики хотѣли выразить, что Агамемнонъ не зналъ ариеметики.

¹ То-есть, о сущности: есть ли въ ариеметикѣ нѣчто *ἀγῶν* *πρὸς τῆν οὐσίαν*, или нѣтъ ничего такого?

² Всю эту мысль коротко и ясно излагаетъ *Theo Smyrn*, р. 8, «Что просто движеть чувствомъ, то не возбуждаетъ и не вызываетъ мышленія, какъ напримѣръ, взглядъ на палецъ, — толстъ ли онъ или тонокъ, великъ или малъ: а что производитъ въ чувствѣ движеніе противное, тѣмъ возбуждается и вызывается мышленіе, когда, напримѣръ, одно и то же кажется великимъ и малымъ, легкимъ и тяжелымъ, однимъ и многимъ. Такимъ образомъ искусство считать, или ариеметика, влечеть и руководствуетъ къ истинѣ.»

всѣмъ угадалъ, что говорю, возразилъ я.—Что же говоришь ты? спросилъ онъ.—Предметъ, невызывающій размышленія, отвѣчалъ я, есть тотъ, который въ то же время не входитъ С. въ чувство противное: а который входитъ, тотъ я признаю вызывающимъ размышленіе; потому что чувство не болѣе проявляетъ это, какъ и противное этому, вблизи ли что поражаетъ его, или издалека. Впрочемъ вотъ изъ чего яснѣе поймешь мои слова: это, говоримъ мы,—три пальца: меньшій, второй и средній.—Конечно, сказалъ онъ.—Представляй же, что я говорю о нихъ, какъ о предметахъ, видимыхъ вблизи, и рассматривай въ нихъ слѣдующее.—Что?—Каждый палецъ между ними является подобнымъ и, какъ палецъ—то, ничѣмъ не отличается,—въ срединѣ ли видишь его или съ краю, бѣлъ D. ли онъ или черенъ, толстъ или тонокъ, и все такое. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ душа не нудится вопрошать размышленіе, чтò такое палецъ между многими; ибо зрѣніе никогда не показываетъ ей пальца противнаго чему-нибудь, а палецъ ¹.—Безъ сомнѣнія не показываетъ, сказалъ онъ.—Посему это, продолжалъ я, естественно не можетъ вызывать и возбуждать мышленіе.—Естественно.—Что же теперь? великость E. ихъ и малость достаточно ли усматриваются зрѣніемъ, и не все ли равно для него, въ срединѣ который изъ нихъ лежитъ или съ краю? То же и касательно толстоты и тонкости, мягкости и грубости осязанія. Не столь же ли недостаточно проявляютъ это и другія чувства? Не такъ ли дѣйстви-

¹ Эти слова многими филологами переводятся и объясняются неправильно. Греческій текстъ таковъ: *ἐν πᾶσι τοῦτοις οὐκ ἀναγκάζεται τῶν πολλῶν ἢ ψυχῇ τὴν νόησιν ἐπερέσθαι τί ποτ' ἔστι δάκτυλος*. Нѣкоторые, и между прочими Шлейермахеръ, слово *τῶν πολλῶν* поставляютъ въ зависимость отъ *ἢ ψυχῇ*: но въ этомъ-то и ошибка. По намѣренію философа, предъ родительнымъ *τῶν πολλῶν* надобно разумѣть *περὶ* и относить его къ *ἐπερέσθαι*, какбы читалось такъ: *οὐκ ἀναγκάζεται ἢ ψυχῇ τὴν νόησιν ἐπερέσθαι περὶ τῶν πολλῶν, ὅταν ἐπέρεται, τί ποτ' κ. τ. λ.* Мысль Сократа состоитъ въ томъ, что чувству свойственно смотрѣть на предметъ одинъ самъ по себѣ, а поставятъ его въ отношеніе къ другимъ предметамъ, или сравнивать съ другими предметами ему вовсе несвойственно. Поэтому никакой предметъ, пока онъ является чувству одинъ, самъ по себѣ, естественно не возбуждаетъ размышленія.

- еть и каждое изъ нихъ? Напротивъ, когда чувство, постав-
524. ленное сперва въ отношеніе къ жесткому, нудится стать въ отношеніе къ мягкому, и докладываетъ душѣ, что то же самое чувствуетъ оно и жесткимъ и мягкимъ ¹.—Такъ, сказалъ онъ. — Тогда не необходимо ли, спросилъ я, недоумѣвать душѣ, что такое свидѣтельствуешь ей чувство о жесткомъ, если то же самое называетъ оно мягкимъ, и не необходимо ли то же самое касательно легкаго и тяжелаго, что такое легкое и тяжелое, если о тяжеломъ свидѣтельствуешь оно какъ о легкомъ, а о легкомъ какъ о тяжеломъ?—Да, эти-
- В. то доклады должны показаться душѣ, конечно, странными и требующими изслѣдованія, сказалъ онъ.—Стало-быть, естественно, примолвилъ я, что въ этомъ случаѣ душа сперва попытается вызвать смыслъ и размышленіе и разсмотрѣть, одинъ ли тутъ, или два предмета, о которыхъ доноситъ ей чувство.—Какъ же иначе?—Если окажется два, то не представится ли тотъ и другой инымъ и однимъ?—Да.—А когда тотъ и другой—одинъ, оба же вмѣстѣ—два,—два не будутъ ли мыслимы не отдѣльными, а однимъ?—Справедливо.—Вѣдь
- С. и зрѣніе видитъ великое и малое, говоримъ мы, но видитъ не отдѣльнымъ, а чѣмъ-то слитнымъ ². Не такъ ли?—Да.—

¹ Но когда чувство и проч., *πρώτον μὲν ἢ ἐπὶ τῷ σκληρῷ* — *αἰσθανομένη*; связь этой греческой фразы съ предъидущими и послѣдующими мыслями для меня непонятна. Во-первыхъ, конструкція ея такова, что никакъ не позволяетъ ей быть вопросительною; во-вторыхъ, заключающаяся въ ней мысль очевидно противоположна предъидущимъ, а между тѣмъ слова *πρώτον μὲν* не выражаютъ такого поворота; въ-третьихъ дальнѣйшая рѣчь—*ἀναγκαῖον ἐν τοῖς τοιοῦτοις* х. т. λ. есть конечно, *ἀπότασις* предъидущей. Поэтому хотѣлось бы читать: *πρώτον μέντοι ἢ ἐπὶ τῷ σκληρῷ*,—на томъ основаніи, что *μέντοι* въ подобной конструкціи значить—напротивъ. См. Arol. p. 17 С. Потомъ послѣ *αἰσθανομένη*, по моему мнѣнію, требуется, вмѣсто знака вопросительнаго, colon. Этимъ оканчивается протазисъ и отдѣляется отъ апотазиса подтвержденіемъ Главкона — *οὕτως*, какъ перерывъ періода у Платона встрѣчаются нерѣдко.

² Зрѣнію подлежитъ тотъ самый предметъ, который, бывъ поставленъ въ извѣстныя отношенія, сознается бѣльшимъ и меньшимъ; но такимъ представляется онъ не зрѣнію, а разсудку: для зрѣнія же всѣ качества предмета, находямыя разсудкомъ посредствомъ отношенія предметовъ, сливаются въ одно и составляютъ то, что на языкѣ нынѣшней логики есть конкретъ, означаемый какою-нибудь именованіемъ.

Чрезъ объясненіе же этого, мышленіе принуждено бываетъ видѣть великое и малое, вопреки зрѣнію, не слитнымъ, а отдѣльнымъ. — Справедливо. — Такъ не отсюда ли прежде приходитъ намъ въ голову спрашивать: что такое великое, и что опять малое? — Безъ сомнѣнія. — И потому-то одно назвали мы мыслимымъ, а другое — видимымъ. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Вотъ же это и хотѣлъ я недавно выразить, говоря, что однимъ вызывается размышленіе, а другимъ нѣтъ: что дѣйствуетъ на чувство вмѣстѣ съ свойствами противными себѣ, то вызываетъ размышленіе; а что нѣтъ, то не возбуждаетъ его. — Теперь понимаю, сказалъ онъ, и мнѣ кажется, что это такъ. — Что же? число и единица къ которому роду, думаешь, относятся? — Этого не соображу, сказалъ онъ. — Но заключай изъ того, что прежде сказано, примолвилъ я. Вѣдь если одно достаточно усматривается, либо берется какимъ-нибудь инымъ чувствомъ, само по себѣ, то не можетъ вести къ сущности, подобно тому, какъ мы говорили о пальцѣ: а когда въ немъ видимъ вмѣстѣ нѣчто ему противное, такъ что оно представляется нисколько не болѣе однимъ, какъ и противнымъ; тогда, конечно, требуется уже судья, — въ этомъ случаѣ душа принуждена бываетъ недоумѣвать и, возбуждая въ себѣ мысль, изслѣдовать и спрашивать, что такое одно само въ себѣ, и такимъ образомъ ученіе объ одномъ становится возводителемъ души и направителемъ къ созерцанію сущаго. — Разумѣется, сказалъ онъ, на это-то особенно смотреть она; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ тожественное видимъ мы какъ одно, а неопредѣленное — какъ множество. — А если одно, примолвилъ я, то и все число не будетъ ли этимъ тожествомъ? — Какъ не будетъ? — Но наука вычислять и считать не вся ли занимается числомъ? — И очень. — Поэтому она, явно, возводитъ къ истинѣ. — Да, чрезвычайно. — Стало-быть, она, какъ в. видно, принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, какихъ мы ищемъ; ибо военному человѣку необходимо знать это для распорядка войскъ, а философу, выникающему изъ міра вещей чувственныхъ, — для достиженія сущности; иначе онъ никогда

- не будетъ счетчикомъ.—Такъ, сказалъ онъ.—Вѣдь нашъ-то стражъ есть и человекъ военный, и философъ.—Что же иное? —Посему эту науку, Главконъ, надобно утвердить закономъ и убѣдить тѣхъ, которые намѣреваются занять въ городѣ
- C. высокія должности, чтобы они упражнялись въ наукѣ счисленія, не какъ люди простые, но входили своею мыслію въ созерцаніе природы чиселъ — не для купли и продажи, какъ занимаются этимъ купцы и барышники, а для войны и самой души—съ цѣлію облегчить ей обращеніе отъ вещей бытовыхъ къ истинѣ и сущности.—Прекрасно говоришь ты, сказалъ онъ. — Такъ вотъ такъ и теперь думаю, продолжалъ я,
- D. что когда говорится о наукѣ счисленія,—она будетъ дѣломъ отличнымъ и многополезнымъ для насъ въ отношеніи къ тому, чего хотимъ, если стануть заниматься ею для знанія, а не для барышей.—Какъ же это? спросилъ онъ.—Вотъ какъ: То самое, что теперь сказали мы, сильно возвышающее душу и нудящее ее разсуждать о числахъ самихъ въ себѣ, никакъ не принимается въ смыслѣ тѣхъ чиселъ, о которыхъ говорятъ, предлагая ихъ душѣ видимыми и осязаемыми тѣлесно ¹. Вѣ-
- E. роятно, ты знаешь, какъ люди, въ этомъ родѣ сильные, если кто возьмется своимъ словомъ разсѣкать одно само въ себѣ,—смѣются и не соглашаются; но тогда какъ ты дѣлишь его, они увеличиваютъ численность, опасаясь, чтобы одно не явилось наконецъ не однимъ, а многими частями ².—Весьма
526. справедливо говоришь, сказалъ онъ. — Что, Главконъ, если

¹ Числами самими въ себѣ здѣсь называются числа чистыя, извѣстныя въ математикѣ подъ именемъ отвлеченныхъ или идеальныхъ, свободныхъ отъ всего конкретнаго. Этимъ числамъ противопоставляются *ἄριστοι σώματα ἔχοντες*, или числа конкретныя, овещствляемая самими вещами. Тѣ могутъ быть названы какбы формами счисленія — *μόνας, δύος*; а эти считаются въ вещахъ — *τὸ ἐν, δύο*, и т. д., и потому называются арифметическими. Впрочемъ см. *Trendelenburg. Platonis de idcis et numeris doctrina ex Aristotele illustrata p. 71 sqq.*

² Отвлеченная, или формальная единица — *μόνας*, какъ единица, не можетъ быть дѣлима на части. Если же ты станешь дѣлить ее, — люди, знакомые съ идеальной стороною числа, будутъ увеличивать только число единицъ, а не части одной единицы, чтобы во множествѣ частей единицы не уничтожилась самая единица.

кто спросить ихъ: почтеннѣйшіе! о какихъ числахъ разсуждаете вы? о тѣхъ ли, въ которыхъ полагаете одно, всецѣло равное всему, ничѣмъ неотличающееся и неимѣющее въ себѣ никакой части? Что, думаешь, будутъ они отвѣчать?—Скажутъ, думаю, что о тѣхъ, о которыхъ можно только мыслить; иначе никакъ нельзя отвѣчать на это. — Такъ видишь ли, другъ мой, примолвилъ я, что эта наука, должно быть, дѣйствительно необходима намъ, когда она явно нудитъ душу В. пользоваться самымъ мышленіемъ для истины. — Даже сильно дѣлаеть это, сказалъ онъ. — Что же далѣе? наблюдалъ ли ты уже, что люди, по природѣ счетчики, являются, можно сказать, острыми во всѣхъ наукахъ, — да и тупые, если они учились и упражнялись въ ней, хотя бы и не получили никакой другой пользы, въ остротѣ всѣ превосходятъ самихъ себя? — Это такъ, сказалъ онъ. — Впрочемъ, я думаю, ты нелегко и не С. много найдешь такихъ наукъ, которыя учащемуся и занимающемуся представляли бы больше труда, чѣмъ эта. — Конечно. — По всему такому-то, не надобно оставлять этой науки; люди отличные по природѣ должны учиться ей. — Согласенъ, сказалъ онъ. —

Итакъ это, примолвилъ я, пусть у насъ будетъ положено какъ первое, за которымъ поставимъ находящееся съ нимъ въ связи второе, и рассмотримъ, идетъ ли оно сколько-нибудь къ намъ. — Что? не геометрію ли разумѣешь ты? спросилъ онъ. — Это самое, отвѣчалъ я. — Судя по тому, въ какой степени приложима она¹ къ войнѣ, сказалъ онъ, — явно, что идетъ; ибо и при расположеніи лагерей, и при занятіи мѣстъ, и D. при стягиваніи либо растягиваніи войскъ, и при всѣхъ военныхъ построеніяхъ какъ во время самыхъ сраженій, такъ и во время походовъ, геометръ много отличается отъ не-геомет-

¹ Въ какой степени приложима она... *δσον μὲν — αὐτοῦ ταίνας*. Здѣсь *αὐτοῦ* зависитъ отъ *δσον* и, не смотря на то, что стоитъ въ среднемъ родѣ, относится *πρὸς τὴν γεωμετρίαν*. Такая констукція относительныхъ и указательныхъ мѣстоименій у Платона чаще всего. См. Charn. 154 E. Почти такъ мѣстоименія указательныя иногда сочиняются и у насъ. Это—человѣкъ добрый; это—вещи полезные.

ра. — Но для такихъ вещей, примолвилъ я, достаточна малая часть геометрическихъ и ариѳметическихъ выкладокъ, часть же ихъ большая, простирающаяся далѣе, должна смотрѣть, что здѣсь направляется способствовать легчайшему усмотрѣнію идеи блага. А направляется къ этому, говоримъ, все, понуждающее душу обращаться къ тому мѣсту, гдѣ обитаетъ блаженство сущаго, которое она всячески должна видѣть. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. — Но какъ скоро геометрія нудитъ созерцать сущее, то она принадлежитъ намъ, а если бытное ¹, то — не принадлежитъ. — Да, мы говоримъ такъ. — Въ томъ-то, сказалъ я, не будетъ у насъ сомнѣваться никто, хоть немного опытный въ геометріи, что берущіеся за это знаніе дѣлаютъ совершенно противное употребляемымъ ими словамъ ². — Какъ? спросилъ онъ. — Вѣдь они говорятъ очень смѣшно, и подчиняются необходимости; ибо, какъ будто дѣлая что-нибудь и для дѣла повторяя всѣ свои термины, построимъ, говорятъ, четырехугольникъ, проведемъ или приложимъ линію, и издаютъ всѣ подобные звуки, между тѣмъ какъ цѣлая эта наука назначается для знанія. — Безъ сомнѣнія. — Не должно ли согласиться еще и въ томъ? — Въ чемъ? — Что назначается она всегда для знанія существеннаго, а не для того, что бываетъ и погибаетъ. — На это легко согласиться, сказалъ онъ; потому что геометрія всегда есть знаніе сущаго. — Слѣдовательно, почтеннѣйшій, она можетъ влечь душу къ истинѣ и развивать философское мышленіе, чтобы держимое нами теперь внизу, чего не должно быть, она дер-

¹ Если бытное, *εἰ δὲ γίνεσθαι*: разумѣется міръ явленій — вещи, непрестанно рождающіяся и исчезающія, а все такое называется бытнымъ, *τὸ γινόμενον*, и противуполагается *τῷ εἶναι*. См. p. 525 В sqq.

² Если, то-есть, геометрія есть такая наука, какою мы хотѣли бы ее видѣть, то геометры дѣлаютъ не то, что говорятъ: они прилагаютъ геометрію только къ опыту, а не къ познанію сущности вещей, къ чему предназначена она самую свою природою. Кстати надобно замѣтить, что употребленный здѣсь глаголь *φθίγγεσθαι* значить не то, что *δυσμαρξίζειν* или *λέγειν*, а издавать звуки, и скрываетъ въ себѣ тонкую насмѣшку, подобно тому, какъ говорится *libr. VI, p. 505 C. Theaet. p. 157 В, al.* Нельзя оставить безъ замѣчанія и того, что внося въ текстъ слово *καὶ ἀναγκάτως*, Платонъ разумѣлъ, кажется, такъ называемую *γεωμετρικὴν ἀνάγκην*.

жала вверху.—Сколько возможно болѣе, сказалъ онъ.—Ста- С. ло-быть, надобно, примолвилъ я, сколько возможно строже приказать, чтобы въ прекрасномъ твоёмъ городѣ граждане никакимъ образомъ не оставляли геометріи; ибо и боковое въ ней немаловажно.—Что такое боковое? спросилъ онъ.—То, о чемъ ты говорилъ, отвѣчалъ я,—приложеніе геометріи къ дѣламъ воинскимъ. Да и для всѣхъ наукъ, чтобы лучше изучить ихъ, знаемъ,—всесторонняя разница, занимался ли кто геометрію, или нѣтъ.—Въ самомъ дѣлѣ, всесторонняя, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—Такъ предложимъ ли это юношамъ, какъ вторую науку?—Предложимъ, сказалъ онъ. —

Что же еще? третьею не поставитъ ли астрономіи? Или D. тебѣ не кажется?—Мнѣ-то кажется, сказалъ онъ; потому что астрономія осязательно представляетъ чувству и годовыя времена, и мѣсяцы, и годы, что нужно не только для земледѣлія и кораблеплаванія, но не меньше и для военачальствованія.—Любезенъ ты ¹, замѣтилъ я; кажется, боишься, какъ бы не показалось народу, что предписываешь науки бесполезныя. Тогда какъ не слишкомъ худо, а трудно повѣрить, чтобы E. сими науками очищался и оживлялся какой-то органъ души E. каждаго человѣка, разстроенный и ослѣпленный иными дѣлами,—беречь этотъ превосходнѣйшій было бы важнѣе, чѣмъ тысячи глазъ; потому что имъ однимъ созерцается истина. Итакъ, кто будетъ согласенъ съ тобою въ мысляхъ, тому слова твои чрезвычайно какъ понравятся: а которые нисколько не сочувствуютъ этому, тѣ естественно подумаютъ, что ты ничего не говоришь; потому что не замѣтятъ въ нихъ другой уважительной пользы. Смотри же отсюда, изъ этихъ ли съ кѣмъ-нибудь бесѣдуешь ты, или ни съ кѣмъ изъ нихъ, но ведешь рѣчь 528.

¹ Любезенъ ты, ἡδύς εἶ—форма вѣжливой насмѣшки. Греки, чтобы избѣжать грубыхъ и оскорбительныхъ выраженій, ввели въ употребленіе такія формулы, которыя обличали худое дѣло или слово, не трогая самолюбія. И это всегда приправлялось аттической солью. Такъ, напримѣръ, чтобы не назвать кого-нибудь глупымъ или хитрымъ, они употребляли слова ἡδύς, γλυκύς, εὐχρηστός, χρηστός. Plat. Euthyd. p. 226 D: οὐ δὲ ἴσως οὐκ οἶει ὀρθῶν αὐτά· οὕτως ἡδύς εἶ. Gorg. p. 200 E: ὡς ἡδύς εἶ, τοὺς ἡλιεῖους λέγεις τοὺς σόφρονας.

большую частью для самого себя, хотя не позавидовалъ бы, еслибы и другой кто могъ сколько-нибудь воспользоваться ею. — Дѣйствительно, сказалъ онъ, я хочу большую частью для себя самого и говорить, и спрашивать, и отвѣчать. Такъ повороти назадъ ¹, примолвилъ я; ибо теперь вѣдь мы невѣрно взяли то, что слѣдуетъ за геометрию. — Какъ же взяли? спросилъ онъ. — Послѣ поверхности, отвѣчалъ я, ухватились уже за твердое въ движеніи, не взявши напередъ твердаго самого в. въ себѣ ². А правильная послѣдовательность будетъ, если, послѣ втораго развитія, мы возьмемъ третье, что, вѣроятно, есть развитіе кубовъ, имѣющее глубину. — Конечно такъ, сказалъ онъ; но это-то, Сократъ, кажется, еще не найдено. — На то есть двѣ причины, продолжалъ я: ни одинъ городъ не уважаетъ кубическаго развитія, — во-первыхъ потому, что трудное изслѣдывается слабо, — во-вторыхъ потому, что изслѣдователи нуждаются въ наставникѣ, безъ котораго найти это нельзя, и которому сперва трудно родиться, да когда бы онъ, с. какъ теперь, и родился, высокоумные изслѣдователи не повѣрили бы ему. Но еслибы весь городъ единодушно положилъ уважать это, а наставники слушались его и свои изслѣдованія непрерывно и настоятельно объявляли, — каковы они ³; то неудивительно, что искомое открылось бы. Вѣдь и теперь,

¹ Повороти назадъ, *ἔλαγες—εἰς τὸπίσω*—метафора, взятая отъ кораблеводителей, когда они даютъ кораблю задній ходъ, *inhibit navem*.

² Платонъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь стереометрію, которую геометры въ его время еще не развили, какъ особую часть науки, но, по разсмотрѣніи разныхъ приемовъ для опредѣленія поверхностей, переходили прямо къ астрономіи. Имъ не приходило на мысль, что, не изучивъ законовъ построенія и измѣренія твердаго тѣла самого по себѣ, нельзя опредѣлить законовъ движенія его въ небесныхъ пространствахъ. Такимъ образомъ, къ необходимости развить стереометрію Платонъ пришелъ, такъ сказать, *à priori*, и послѣующимъ геометрамъ указалъ еще нетронутую сторону ихъ науки. Притомъ надобно замѣтить, что слово кубъ, котораго понятіе установлено было еще Пифагоромъ, у Платона берется въ значеніи тѣла вообще, поколику оно имѣетъ высоту, широту и глубину.

³ Замѣчательно, что и у древнихъ Грековъ общество боялось реформъ и нововведеній въ наукахъ; наукамъ во всѣ времена суждено было идти за явленіями въ мѣрѣ опыта, и формамъ теоріи связывать отдѣльные, разнородные, выработанные жизнью факты. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ частныхъ фактахъ яв-

не смотря на то, что народъ презираетъ и стѣсняетъ это занятіе, а изслѣдователи не могутъ доказать, почему оно полезно,—не смотря на все такое уродованіе дѣла, оно, по своей заманчивости, возрастаетъ. — Да, въ самомъ дѣлѣ, оно особенно заманчиво, сказалъ онъ. Но раскрой мнѣ яснѣе теперешнія свои слова. Вѣдь геометрію считаешь ты, кажется, разсматриваніемъ поверхностей. — Да, отвѣчалъ я. — Потомъ, сказалъ онъ, ты положилъ-было послѣ нея астрономію, но затѣмъ отступилъ назадъ. — Потому что, спѣша скорѣе все разсмотрѣть, примолвилъ я, становлюсь тѣмъ медленнѣе. Слѣдовало по порядку развитіе въ глубину: но такъ какъ для изслѣдованія представляютъ это предметомъ смѣшнымъ, то миновавъ его, я, послѣ геометріи, заговорилъ объ астрономіи, которая разсматриваетъ движеніе глубины. — Правильно говоришь, сказалъ онъ. — И такъ, астрономію, продолжалъ я, примемъ мы за четвертую науку, полагая, что пропущенная теперь была бы, еслибы допустилъ ее городъ. — Вѣроятно, сказалъ онъ. Ну вотъ, Сократъ, меня-то ты укорилъ за астрономію, что я опрометчиво похвалилъ ее: за то теперь буду хвалить уже то, къ чему самъ приступаешь; ибо всякому, кажется, видно, что это понуждаетъ душу смотрѣть вверхъ, — отсюда ведетъ ее туда. — Можетъ быть; всякому видно, кромѣ меня, примолвилъ я; ибо мнѣ представляется не такъ. — А какъ же? спросилъ онъ. — Хватающіеся за нее теперь и возводящіе ее на степень философіи сильно располагаютъ человѣка смотрѣть внизъ. — Что ты разумѣешь? спросилъ онъ. — Ты, кажется, питаешь въ себѣ не низкое понятіе о наукѣ высокаго ¹, что такое она, замѣтилъ я. Тебѣ, должно быть,

лялись по временамъ матеріалы и стереометріи: не было только науки; ибо, по врожденной человѣку осторожности, смѣлое наведеніе всегда пугало его, или по крайней мѣрѣ возбуждало къ себѣ недовѣрчивость. Замѣчательно равнымъ образомъ, что и Платонъ уже въ области знанія чувствовалъ потребность гласности, или обнародованія мыслей, поражаемыхъ изслѣдованіями наставниковъ юношества. На это можно смотрѣть, какъ на первое пробужденіе идеи академіи наукъ.

¹ Ты, кажется, питаешь въ себѣ не низкое понятіе о наукѣ, οὐκ ἀγεννῆς μοι

- В. думается, что кто видит украшенія на потолокъ и, присмотрѣвшись, узнаеть что-нибудь, тотъ видитъ это мыслию, а не глазами. Можетъ быть, ты думаешь хорошо, а я глупо; но подь именемъ науки, повторяю, которая заставляетъ душу смотрѣть вверхъ, я не могу разумѣть чего иного, кромѣ того, что разсуждаетъ о сущемъ и невидимомъ, поверхамъ ли зазѣвавшись, или зарывшись внизу, приобрѣтаеть кто извѣстное знаніе. Если же хотять приобрѣсть знаніе, зазѣвавшись вверху на что-либо чувственное, то утверждаю, что и не узнають ничего—ибо такія вещи не даютъ знанія,—и душа будетъ смотрѣть не вверхъ, а внизъ, хотя бы кто хотѣлъ узнавать вещи, плавая на морѣ, или лежа на землѣ лицомъ навзничь.—Стою наказанія, сказалъ онъ; потому что ты справедливо укорилъ меня. Но какимъ же образомъ надобно, говоришь, учиться астрономіи, отлично отъ того, какъ теперь учатся ей, если хотимъ заниматься этимъ съ пользою въ отношеніи къ тому, что разумѣемъ?—Вотъ какимъ, отвѣчалъ я. Все это разнообразіе на небѣ, если оно рисуется для зрѣнія,
- Д. надобно почитать образцомъ великой красоты и точности; но истинности этому далеко не достаетъ: какое движеніе во взаимномъ отношеніи истиннаго числа и всѣхъ истинныхъ образовъ производится существенно скоростію и существенно медленностію, и какъ движется то, что въ тѣхъ предметахъ есть,—это доступно только слову мысли, а зрѣнію недоступно¹. Или ты думаешь?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ.—Стало-быть, небеснымъ разнообразіемъ, продолжалъ я, надобно поль-

δοκείας.... говорится, очевидно, иронически, и тонкость этой ироніи возвышается антитезою, что тогда какъ популярная астрономія заставляетъ поднимать глаза кверху, цѣль ея довольно низка.

¹ Въ этомъ мѣстѣ отличительною чертою популярной астрономіи Платонъ почитаетъ начертательное изображеніе звѣзднаго неба съ показаніемъ симметрическаго и точнаго расположенія небесныхъ свѣтилъ: напротивъ, астрономія умственная, или та, которая можетъ возвышать душу къ истинѣ, должна изучать пропорціональное и относительно согласное движеніе звѣздъ, такъ чтобы оно опредѣлялось числами и приводило къ идеѣ абсолютной скорости и абсолютной медленности, чего зрѣніемъ видѣть уже нельзя, что доступно только мышленію.

зоваться въ значеніи образца для изученія предмета невидимаго, подобно тому, какъ еслибы кто случайно попалъ на отлично Е. написанные и отдѣланные чертежи Дедала, или иного художника, либо живописца. Вѣдь какой нибудь знатокъ геометріи, видя такіе чертежи, конечно, подумалъ бы, что хотя и весьма хорошо имѣть ихъ при работѣ, однакожь смѣшнымъ показался бы тотъ, кто сталъ бы смотрѣть на нихъ серьезно, будто на истинность равной, двойной, или иной пропорціи.—Какъ не 530. смѣшнымъ, сказалъ онъ.—Такъ не думаешь ли, продолжалъ я, что истинный-то астрономъ, смотря на движеніе звѣздъ, будетъ убѣжденъ въ томъ же самомъ? Онъ, конечно, станетъ мыслить, что какъ устроены тѣ предметы наивозможно лучшимъ образомъ, такъ устроено Творцомъ неба и самое небо, и все, что въ небѣ. Разсматривая отношеніе ночи къ дню, дней къ мѣсяцу, мѣсяца къ году, и отношеніе другихъ звѣздъ къ тому же и взаимно къ звѣздамъ, не страненъ ли, думаешь, В. будетъ онъ, несмотря на свою тѣлесность и видимость, когда положить, что и это всегда бываетъ подобнымъ образомъ, не подлежитъ никакой измѣняемости, и будетъ стараться всячески постигнуть истинность такихъ предметовъ?—Слушая теперь тебя, и я думаю не иначе, сказалъ онъ.—Стало-быть, мы и къ астрономіи, какъ прежде къ геометріи, замѣтилъ я, приступаемъ, пользуясь высшими вопросами, а находящееся С. въ небѣ оставимъ, если хотимъ, занявшись истинно астрономіею, разумную по природѣ сторону души изъ бесполезной сдѣлать полезною.—Какъ много дѣла предписываешь ты ей, сравнительно съ дѣломъ нынѣшнихъ астрономовъ! сказалъ онъ.—Но вѣдь мнѣ представляется, примолвилъ я, что мы и въ другихъ отношеніяхъ будемъ давать такія же предписанія, если отъ насъ, законодателей, должна быть какая-нибудь польза.

Не можешь ли ты указать еще на какую-нибудь, подходящую къ намъ науку? — Теперь-то вдругъ не могу, сказалъ онъ.—Движеніе представляетъ, думаю, не одинъ, а больше видовъ, примолвилъ я. Но о всѣхъ ихъ можетъ сказать раз- D.

въ какой мудрецъ; а намъ открывается ихъ только два ¹. — Какіе именно? — Кромѣ этого, отвѣчалъ я, соотвѣтствующій ему. — Какой? — Какбы пригвоздивъ глаза къ астрономіи, сказалъ я, ты, должно быть, какбы пригвождаешь также уши къ гармоническому движенію, — и эти знанія, повидимому, сходны одно съ другимъ, о чемъ говорятъ Пиеагорейцы и въ чемъ мы, Главконъ, согласимся съ ними. Или какъ сдѣлаемъ? —

Е. Такъ, сказалъ онъ. — Но поколику это дѣло большое, примолвилъ я, то спросимъ ихъ, какъ говорятъ они объ этомъ и, сверхъ сего, объ иномъ; а сами, кромѣ всего такого, сохранимъ собственное правило ². — Какое? — Чтобы тѣ, которыхъ будемъ воспитывать, не взялись у насъ учиться чему-нибудь, въ этихъ познаніяхъ несовершенному, чтò всегда направляется не къ тому, къ чему, какъ мы недавно говорили объ астрономіи, должно направляться все. Развѣ не знаешь,

531. что Пиеагорейцы и въ отношеніи къ гармоніи берутъ подобное этому худшее ³? Взаимно соразмѣряя созвучія и звуки,

¹ Двумя видами движенія Сократъ называетъ двойкость впечатлѣній, производимыхъ на два чувства — зрѣніе и слухъ. Впечатлѣнія, производимыя на слухъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя дѣйствуютъ на зрѣніе, и потому называются *ἀκίνητα αὐτῶν*. Видъ движенія, относящійся къ зрѣнію, есть орудіе астрономіи, которая чрезъ его посредство усматриваетъ пути, совершаемыя небесными тѣлами. *Кромѣ этого*, то-есть, астрономическаго, другой, относящійся къ слуху, служитъ проводникомъ гармоніи, которую производятъ своимъ движеніемъ небесныя тѣла, и полагаютъ начало музыки. Такимъ образомъ астрономія и музыка являются какъ науки взаимно сродныя, какими они казались Пиеагору и его послѣдователямъ, которые учили, что музыка земная есть подражаніе музыкѣ небесной. *Censorin. De die natal. c. 13.*

² Сократъ учитъ, что истинное достоинство музыки состоитъ не просто въ слышимомъ нами сочетаніи звуковъ, такъ какъ это относится къ одному чувству, и не въ томъ возбуждаемомъ звуками удовольствіи, котораго ищетъ въ нихъ невѣжественный народъ, но въ созерцаніи безусловныхъ основаній всякой гармоніи, и въ самомъ ихъ знаніи или теоріи, чрезъ которую душа возбуждается къ изслѣдованію и разсматриванію вещей, существующихъ въ себѣ и не подлежащихъ чувствамъ.

³ *Берутъ подобное этому худшее*, *ἴτερον τοιοῦτον ποιοῦσι*, *ἴτερον* здѣсь имѣеть то же значеніе, какое въ Эвтидемѣ, р. 280 Е, мы замѣтили въ словѣ *ἄστερον*: если оно употребляется при сравненіяхъ вещей, то въ моментахъ сравниваемыхъ означаетъ худшее. Подъ худшимъ Платонъ разумѣеть то, что въ небесной музыкѣ Пиеагорейцы слышали только музыку чувственную.

они, какъ и астрономы, трудятся безразсудно ¹. — Да, клянись богами, сказалъ онъ, дѣло-то смѣшное: толкуя о какомъ-то сгущеніи тоновъ ² и прикладывая уши, они извлекаютъ звукъ какбы изъ ближайшихъ звуковъ. Одни изъ нихъ говорятъ, будто слышать какой-то еще отголосокъ въ срединѣ, такъ что разстояніе, которымъ надобно измѣрять звуки, у нихъ самое малое; а другіе спорятъ, что такое звучаніе въ подобіи доходитъ уже до тожества, но какъ первые, такъ и послѣдніе ставятъ уши выше ума. — Ты говоришь, примолвилъ я, о тѣхъ добрыхъ музыкантахъ, которые, вертя колки ключами, испытываютъ звуки и не даютъ покоя струнамъ ³. Но чтобы не распространяться о томъ, какъ, ударяя также смычкомъ, они заставляють струны изображать то жалобу, то отказъ, то страсть ⁴, — я оставляю подобныя изображенія и не буду говорить о тѣхъ музыкантахъ, а скажу о другихъ, которые, какъ сейчасъ замѣчено, имѣють въ виду гармонію; ибо дѣлають то же, что дѣлается въ астрономіи: они въ такихъ слышимыхъ созвучіяхъ ищутъ чисель, а къ высшимъ С.

¹ Трудятся безразсудно, ἀνήνυτα — πορεύει, т.-е. предпринимають такую работу, которая, при всѣхъ усиліяхъ, не можетъ быть доведена до конца, и потому не приноситъ никакой пользы. Такъ, Legg. V, р. 737 В: μάθεις — πόνος καὶ ἀνήνυτος. Но ἀνήνυτα πορεύεται — не то же, что ἀνήνυτα πορεύειν: послѣднее значить дѣлать что-нибудь попусту, не давая мысли объ усильномъ и тяжеломъ трудѣ. Libr. VI, р. 488 С: ἀνήνυτα δὲ πανῶν οὐκ οἶεи х. т. λ.

² Толкуя о какомъ-то сгущеніи тоновъ, πικρόματα ἄττα δυομάζοντες. Подъ словомъ πικρόματα разумѣется не быстрая смѣна звуковъ, а до крайности уменьшаемое разстояніе между тонами, или чрезвычайныя дробности въ пониженіи и повышеніи струны. Пифагорейцы, то-есть, во всякомъ фоническомъ интерваллѣ, сколь бы малъ онъ ни былъ, старались уловить и опредѣлить всегда новый, средній звукъ. См. Theon. Arithm. р. 21. Music. р. 73. Вaeckh. de Metris Pindar. р. 208. Moeres р. 175 Ἦχὴ ἀττικῶς, ἦχος ἑλληνικῶς.

³ Весьма остроумная шутка надъ тѣми артистами, которыхъ знаніе въ музыкѣ не простирается далѣе строя струнъ, или которые стоятъ не выше настройщиковъ, при посредствѣ своего ключа, только обезпокоивающихъ струны, какъ у Aristaen. Epist. XIV, libr. 1: τί πράγματα παρέχετε χορδαῖς. Объ ироническомъ значеніи слова χρηστός въ выраженіи: добрые музыканты, сказали мы выше, по поводу объясненія прилагательнаго ἡδύς. См. р. 527 D.

⁴ Это мѣсто по-гречески читается такъ: ἵνα δὲ μὴ μακροτέρα ἢ εἰκὼν γίγνηται πλήκτρῳ τε πλήρῳν γιγνομένων καὶ κατηγορίας περὶ καὶ ἐξαρνήσεως καὶ ἀλαζονίας, χορδῶν, παύομαι х. т. λ. Нѣкоторые критики понимаютъ смыслъ этого текста, по мо-

вопросамъ ¹ не восходятъ, чтобы наблюдать, какія числа звучны, и какія нѣтъ, и отчего бываетъ то и другое.—Гениальное дѣло высказываешь ты, примолвилъ онъ.—По крайней мѣрѣ полезное для изслѣдованія прекраснаго и добраго; а иначе рассматриваемое, оно не будетъ полезно. — Вѣроятно, сказалъ онъ.—

Думаю даже, продолжалъ я, что и послѣдовательность D. всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя мы разсмотрѣли, если обращаемо будетъ вниманіе на взаимную близость и сродство ихъ и привзойдетъ соображеніе, находятся ли онѣ во взаимномъ отношеніи,—и такая послѣдовательность ихъ поможетъ намъ

моему мнѣнію, вовсе не такъ. Вотъ, напримѣръ, переводъ Штальбома: «чтобы это описаніе и изображеніе не сдѣлалось слишкомъ длиннымъ отъ ударовъ смычка и шума струнъ, когда онѣ являются или упрямыми, или хвастливыми (когда, т.-е., или не издають никакого звука, или издають звукъ то непомѣрно тихій, то слишкомъ громкій),—я полагаю ему конецъ.» Ученый критикъ, во-первыхъ, не замѣтилъ, что частица *τε* связываетъ выраженіе: *πλήκτρον πληγῶν γιγνομένων*, съ предъидущимъ: *ἐπὶ τῶν κολλόπων στρεβλοῦντας*, а не съ шумомъ струнъ (*convisio chordarum*), котораго въ греческомъ текстѣ вовсе нѣтъ. Во-вторыхъ, онъ не обратилъ вниманія на предлогъ *περί*, который, стоя послѣ своего имени, обыкновенно значить: *относительно, касательно, для*; такъ что слова: *πλήκτρον πληγῶν γιγνομένων*, выражаютъ средство, а словами: *καὶ κατηγορίας περί καὶ ἐξαρνήσεως, καὶ ἀλαζονίας χορδῶν*, означаетъ цѣль. Въ-третьихъ, выраженіе *πλήκτρον τε πληγῶν γιγνομένων* онъ, повидимому, представлялъ въ зависимости отъ *εἰκῶν*, тогда какъ это, явно,—родительный самостоятельный. Притомъ *κατηγορία* отнюдь не *convisio*, которымъ Штальбомъ переводитъ это слово, а обвиненіе, или жалоба, равно какъ *ἐξάρνησις*—не *renviciatio*, а отрицаніе чего-нибудь, или отказъ, да и *ἀλαζονία* здѣсь — не *jactatio*, а безстыдное домогательство. Кстати надобно замѣтить, что древніе гармонисты, или Пиеагорейцы, подражая своему кореею, въ дѣлѣ музыки отвергали все вліяніе чувствъ и всякій судъ слуха, но опредѣляли это дѣло только пропорціональностью чиселъ. См. *Aristoxen. Elem. Harm. libr. 1. Plut. de Music. c. 37, p. 1144 F.* Слѣдовавшие за этими древнѣйшими музыкантами повѣряли гармонію болѣе свидѣтельствомъ чувствъ, чѣмъ умомъ. *Ptolem. Harm. Libr. 1, c. 2.* Третья школа музыкантовъ занималась преимущественно музыкальными инструментами и славилась особенно подъ именемъ органистовъ: довѣряя въ музыкѣ слуху и музыкальному орудію, они начала музыки рациональной совершенно презрѣли. *Plut. de Music. c. 39, p. 1145 C. D. Lucret. de Rer. Nat. Libr. II, v. 410.*

¹ *Καὶ ἄνωγται τὰς ἐρωτήσεσιν οὐκ εἰς προβλήματα ἀνάσσειν.* Проблематика, или больше отвлеченное изслѣдованіе основаній музыки Платонъ употребляетъ здѣсь для параллели съ проблемами геометріи и астрономіи, р. 530 В.

нѣсколько дать имъ направленіе къ тому, къ чему хотимъ, и мы будемъ трудиться ненапрасно; а въ противномъ случаѣ—напрасно.—И я то же предсказываю, примолвилъ онъ: но ты, Сократъ, говоришь о дѣлѣ очень трудномъ.—На начало, или на что указываешь? спросилъ я. Развѣ не знаемъ, что всѣ эти начала суть начала того закона, который надобно изучить? Вѣдь такіе люди не кажутся тебѣ, конечно, сильными діалектиками¹. — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Е. онъ; развѣ ужъ очень немногихъ встрѣчалъ я между ними.— А неимѣющіе силы-то ни дать, ни принять основаніе², примолвилъ я, вѣроятно, не будутъ знать того, чтò, говоримъ, нужно знать.—Да, и тутъ опять—нѣтъ, сказалъ онъ.—Такъ не это ли тотъ законъ, спросилъ я, которымъ ограничивается 532. діалектика, Главконъ? И этому закону, какъ мыслимому, можетъ подражать сила зрѣнія³, которая, говорили мы, беретъ ся смотрѣть на самыхъ уже животныхъ, на самыя звѣзды и наконецъ на самое солнце. Такимъ образомъ, кто приступаетъ къ діалектикѣ безъ всякихъ чувствъ, кто стремится къ существу самому въ себѣ умственно, и не отступаетъ отъ діалектики, пока не постигнетъ своею мыслію благо существенное; тотъ становится у самой цѣли мыслимаго, какъ первый В.

¹ Всѣ науки, о которыхъ Сократъ доселѣ разсуждалъ, почитаются только началами—*prooimia*, или вступленіемъ въ самое дѣло, то-есть въ область діалектики, которая должна показать законъ развитія всѣхъ познаній, приобретаемыхъ тѣми науками. Поэтому далѣе Сократъ говоритъ, что люди, остановившіеся на разсмотрѣнныхъ выше предварительныхъ наукахъ, не бываютъ сильными діалектиками.

² Въ этихъ словахъ: *дать и принять основаніе*, заключается сжатое, но полное опредѣленіе діалектики. Phileb. p. 10 E. Theaet. p. 161 B.

³ Этотъ законъ діалектики, учитъ Сократъ, можетъ быть созерцаемъ только умомъ; посему усматриваніе вещей, подлежащихъ чувствамъ, есть не иное что, какъ образъ или подражаніе дѣятельности діалектической, посредствомъ которой душа, отрѣшившись отъ тѣлесныхъ чувствъ, возносится къ созерцанію самой природы вещей и не прежде отступаетъ отъ изслѣдованія истины, какъ постигнувъ однимъ мышленіемъ самую идею блага — *αὐτὸ ὁ ἔστιν ἀγαθόν*, и такимъ образомъ восходитъ до послѣднихъ предѣловъ міра мыслимаго. Слѣдовательно, человѣкъ, вооруженный двоякимъ органомъ зрѣнія, въ одно и то же время одинъ и тотъ же предметъ видитъ въ условіяхъ бытія, свойственныхъ двумъ мірамъ—ноуменальному и феноменальному.

въ то же время—у цѣли видимаго.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Что же? не діалектическимъ ли называешь этотъ ходъ? —Какъ не діалектическимъ? — Но освобожденіе-то отъ узъ, направленіе отъ тѣней къ образамъ и свѣту, обратное восхожденіе изъ той пещеры на солнце и, тогда какъ тамъ не было силы смотрѣть на животныхъ, на растенія и на свѣтъ

- C. солнечный, а только на отраженія въ водѣ, — здѣсь — явленіе возможности видѣть отраженія божественнаго и тѣни сущаго, но не тѣни образовъ, составляющіяся чрезъ подобный свѣтъ, въ зависимости отъ солнца, — весь этотъ трудъ искусства, какъ мы видѣли, имѣетъ силу возводить наилучшую часть души къ созерцанію превосходнѣйшаго въ существенномъ, подобно тому, какъ тогда свѣтлѣйшая часть тѣла направляется была къ усматриванію яснѣйшаго въ тѣлесномъ
- D. и видимомъ мірѣ ¹. — Я принимаю это, сказалъ онъ: принять твои слова кажется мнѣ дѣломъ, конечно, весьма труднымъ; однако, съ другой стороны, трудно опять и не принять ихъ. Впрочемъ — вѣдь не въ теперешнее только время я слушаю тебя; придется нерѣдко встрѣчаться и опять: допустивши то, что говорится теперь, мы перейдемъ и къ самому закону и рассмотримъ его такъ, какъ рассмотрѣли начало. Гово-

¹ Сказавъ о созерцаніи одного и того же предмета очами чувствъ и окомъ ума, Сократъ это послѣднее созерцаніе поставляетъ теперь въ параллель съ первымъ, — относительно постепеннаго его развитія или движенія къ цѣли — къ истинно-сущему. Какъ тамъ, — въ пещерѣ, человѣкъ видѣлъ тѣни проносимыхъ тѣлесныхъ изображеній, отражавшихся въ водѣ: такъ и здѣсь онъ созерцаетъ тѣни же — но только сущаго, отражающагося въ наилучшей части его души, въ формѣ идей. Какъ тамъ ему нельзя было смотрѣть прямо на свѣтъ солнца, не подвергаясь опасности ослѣпнуть тѣлесно: такъ и здѣсь онъ не въ силахъ созерцать свѣтъ сущаго самого въ себѣ, не осуждая себя на слѣпоту духовную. Какъ тамъ восхожденіе изъ пещеры подъ открытое небо совершалось чрезъ отрѣшеніе яснѣйшаго изъ органовъ тѣлесной природы человѣка, чрезъ чувство зрѣнія: такъ и здѣсь восхожденіе къ истинѣ сущаго возможно не иначе, какъ чрезъ очищеніе превосходнѣйшаго органа духовной его природы, — ума. Наконецъ, какъ тамъ переходъ изъ области тѣней міра видимаго требовалъ постепенной и долговременной привычки: такъ и здѣсь приближеніе къ истинѣ самой въ себѣ, или къ высочайшему благу міра мыслимаго, должно совершаться долговременными усиліями и постояннымъ навыкомъ.

ри же, въ чемъ состоитъ способъ силы діалектической, на Е. какіе виды дѣлится онъ и каковы его пути; ибо они-то уже, какъ видно, приведутъ туда ¹, гдѣ путешественникъ найдетъ какбы отдохновеніе и конецъ своего странствованія. — Но ты, любезный Главконъ, примолвилъ я, еще не можешь слѣдовать, хотя съ моей-то стороны и не было бы недостатка въ усердіи. Тогда-то вѣдь ты увидѣлъ бы уже не образъ того, о чемъ теперь говоримъ, а какъ мнѣ-то кажется, — самую истину. Она ли дѣйствительно представляется мнѣ, или не она, утверждать еще не смѣемъ; а что она въ самомъ дѣлѣ — что-то такое, утвердить надобно. Не такъ ли? — Какъ же иначе? — Не утвердить ли также, что сила діалектики одна можетъ открыть ее опытному въ томъ, что разсмотрѣли мы теперь, а другой наукѣ никакой открытіе ея невозможно? — И это стоитъ утвержденія, сказалъ онъ. — Вѣдь въ тѣхъ-то нашихъ В. словахъ никто не будетъ сомнѣваться, продолжалъ я, что ни одна метода, имѣя въ виду предметы недѣлимые, какъ недѣлимые, не возмется вести ихъ къ общему: всѣ другія искусства направляются либо къ человѣческимъ мнѣніямъ и пожеланіямъ, либо къ происхожденію и составу, либо наконецъ, къ обработкѣ того, что происходитъ и составляется; прочія же, которыя, сказали мы, воспринимаютъ нѣчто сущее, напримѣръ, геометрія и слѣдующія за нею, С. видимъ, какъ будто грезятъ о сущемъ, а наяву не въ состояніи усматривать его, пока, пользуясь предположеніями, оставляютъ ихъ въ неподвижности и не могутъ дать для нихъ основанія. Вѣдь если и началомъ бываетъ то, чего кто не знаетъ, да и конецъ и середина сплетаются изъ того, чего кто не знаетъ; то какимъ образомъ можно согласиться съ такимъ знаніемъ? — Никакъ нельзя, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, діалектическая метода, сказалъ я, одна идетъ этимъ путемъ, возводя предположенія къ самому началу, чтобы утвердить ихъ, и око души, зарытое дѣйствительно въ какую-то варварскую D.

¹ Приведутъ туда, πρὸς αὐτὸ ἕχουσαι εἶεν, то-есть къ высочайшему благу.

грязь ¹, понемногу извлекаетъ изъ ней, чтобы, пользуясь содѣйствіемъ и возбужденіемъ разсмотрѣнныхъ нами наукъ, направлять его выспрь. Эти науки мы, по обыкновенію, часто называемъ знаніями (*ἐπιστήμης*); но онѣ имѣютъ нужду въ иномъ названіи, которое было бы яснѣе, чѣмъ мнѣніе, и темнѣе, чѣмъ знаніе. Самое же размышленіе мы опредѣлили уже прежде. Впрочемъ, я думаю, что чье изслѣдованіе направлено къ та-

В. кимъ предметамъ, какіе предлежатъ намъ, тому — не до сомнѣній въ названіи. — Конечно не до того, сказалъ онъ. — Намъ нравится, какъ и прежде, продолжалъ я, первую часть

534. называть знаніемъ, вторую — размышленіемъ, третью — вѣрою, четвертую — уподобленіемъ, и двѣ послѣднія — мнѣніемъ, а двѣ первыя — разумѣніемъ. Мнѣніе имѣетъ дѣло съ бытнымъ, а разумѣніе съ сущностію. И какъ сущность относится къ бытному, такъ разумѣніе — къ мнѣнію, знаніе — къ вѣрѣ ², размышленіе — къ уподобленію. Впрочемъ, соотвѣтственность между этими вещами и раздѣленіе ихъ по двѣ — на мнимое и разумѣваемое, мы оставимъ, Главконъ, чтобы не запутаться

В. намъ въ разсужденія длиннѣе прежнихъ. — Да мнѣ-то, сказалъ онъ, нравится все, что тебѣ, сколько я могу слѣдовать. — Не называешь ли ты діалектикомъ того, кто беретъ основаніе сущности каждаго предмета? и не скажешь ли, что человѣкъ, неимѣющій основанія, такъ какъ не можетъ представить его ни себѣ, ни другому, въ томъ же отношеніи и не имѣетъ ума? — Какъ же не сказать-то, отвѣчалъ онъ. — Но не то же ли самое и о благѣ? Кто, идею блага отдѣливъ отъ все-

С. го другаго, не хотѣлъ бы опредѣлять ее словомъ, но шагаль

¹ Разумѣетъ око души, направленное къ предметамъ обыденной жизни и развлекательное пожеланіями вещей, недостойныхъ разумной дѣятельности человѣка. Зарывшись въ эту житейскую грязь, умъ можетъ до того привыкнуть къ ней, что совершенно теряетъ сознание своего назначенія и забываетъ о цѣли естественныхъ или прирожденныхъ своихъ стремленій.

² Относя вѣру къ области мнѣній, Сократъ разумѣетъ подъ нею, очевидно, принятіе какого-нибудь положенія безъ основаній. Поэтому вѣра поставляется у него въ соотношеніе съ знаніемъ, которое принимаетъ это значеніе не иначе, какъ опираясь на извѣстномъ основаніи.

бы, будто въ сраженіи, чрезъ всё препятствія, старался бы открыть его не путемъ мнѣній, а прямо войти въ самую его сущность, и во всемъ этомъ шелъ бы умомъ твердымъ: тотъ, съ подобнымъ настроеніемъ, не скажешь ли, не знаетъ не только блага самого въ себѣ, но и никакого иного блага, а хватается какбы за какой-то призракъ, и притомъ хватается мнѣніемъ, а не знаніемъ, и настоящую жизнь проводить будто среди грезъ, воснѣ, чтобы, отправившись въ преисподнюю, совершенно заснуть ¹, если не пробудится здѣсь D. же?—Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ; рѣшительно даже скажу все это. — И своимъ дѣтямъ-то, которыхъ теперь воспитываешь и учишь только словомъ, когда будешь воспитывать ихъ на самомъ дѣлѣ, ты не позволишь, думаю, пока они безсловесны, какъ буквы ², быть въ городѣ правителями и распорядителями величайшихъ дѣлъ. — Конечно нѣтъ, сказалъ онъ. — И не предпишешь ли имъ закономъ получать особенно такое воспитаніе, чрезъ которое они сдѣлались бы лучшими знатоками въ предложеніи вопросовъ и отвѣтовъ?—Предпишу закономъ вмѣстѣ съ тобою, сказалъ онъ. — E. Такъ не кажется ли тебѣ, спросилъ я, что діалектика, какбы оглавленіе наукъ, стоитъ у насъ наверху, и что никакая дру-

¹ Сократъ говоритъ о томъ, что до идеи блага можно доходить иначе, какъ рядомъ основаній, вывода заключенія отъ одного низшаго къ другому высшему, а не такъ, какъ бываетъ на войнѣ, гдѣ воинъ шагаетъ чрезъ трупы убитыхъ, почитая ихъ ненужными для того, чтобы добраться до живыхъ. Идея блага не есть что-нибудь такое, къ чему можно приблизиться непосредственно, не перешедши безконечныхъ степеней бытія, постепенно раскрывающихся и объясняющихъ истину сущаго. Это мѣсто, между множествомъ другихъ, ясно показываетъ, что идея высочайшаго блага у Платона была не отвлеченнымъ понятіемъ, а реальнымъ органомъ познанія существа дѣйствительнаго, самобытнаго, что созерцая высочайшее благо идеально, человѣкъ не грезитъ и готовится не ко сну за гробомъ.

² Какъ буквы, *ὡς περ γραμμάς*. Употребленный здѣсь греческій терминъ возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе. *Γραμμαί*,—конечно, буквы, см. Prot. 326 D: но употребленіе этого слова въ настоящемъ его приложеніи, кажется, несомѣнымъ умѣстно. Штальбомъ, вопреки всѣмъ спискамъ, догадывается, не должно ли здѣсь читать *γραράς*, и въ основаніе приводятъ слѣдующія слова изъ *Плутарха*, vit. Lucurg. с. X: *ὡς τε δὴ τοῦτο τὸ ἐρρλοῦμενον, ἐν μόνῃ — τῇ Σπάρτῃ σώζεσθαι τυρλὸν δυτα τὸν Πλοῦτον καὶ καίμενον ὡς περ ἰραρῆν ἄψυχον καὶ λαινητον.*

гая наука, по справедливости, не может стоять выше ея; —
 535. ею должны заканчиваться всѣ науки. — Мнѣ кажется, сказалъ онъ. —

Теперь остается распредѣлить, продолжалъ я, кому должны мы преподавать эти науки и какимъ образомъ. — Явно, сказалъ онъ. — А помнишь ли первый выборъ правителей, какихъ мы избрали? — Какъ не помнить? отвѣчалъ онъ. — Такъ вотъ такія вообще природы, почитай, должны быть избираемы, примолвилъ я: ибо при этомъ надобно предпочитать твердѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и по возможности бла-
 В. гообразнѣйшихъ; сверхъ того, искать не только благородныхъ и по характеру строгихъ, но и такихъ, которые для подобнаго воспитанія имѣли бы все нужное. — Что именно полагаешь ты? — Они, почтеннѣйшій, должны имѣть воспримчивость для наукъ, отвѣчалъ я, чтобы ученіе для нихъ было нетяжело: вѣдь предъ трудными науками души больше робѣютъ, чѣмъ предъ гимнастическими упражненіями; потому что тамъ свойственъ имъ трудъ частный, а не общій вмѣстѣ съ тѣломъ. — Правда, сказалъ онъ. — Надобно искать также
 С. памятьливаго, усидчиваго и весьма трудолюбиваго, а иначе — какимъ образомъ, думаешь, захочетъ онъ исполнять нѣкоторыя работы тѣлесныя и предаваться такому ученію и размышленію? — Невозможно, сказалъ онъ, если не будетъ способенъ вполнѣ. — Нынѣ вѣдь въ томъ и ошибка, примолвилъ я, тѣмъ и наносится безчестіе философія, какъ мы и прежде говорили, что берутся за нее люди того нестоющіе: вѣдь не подкидышамъ надобно приступать къ ней, а законно-
 D. рожденнымъ. — Какъ? сказалъ онъ. — Приступающій къ ней, отвѣчалъ я, по трудолюбію, во-первыхъ, не долженъ хромать, то-есть, быть отчасти трудолюбивымъ, отчасти празднолюбивымъ. Это бываетъ, когда кто любитъ гимнастическія занятія, охоту и всякіе тѣлесные труды, но ни учиться, ни слушать, ни изслѣдывать не любитъ, и всѣ такіе труды ненавидитъ. Равнымъ образомъ хромъ и тотъ, кто имѣетъ про-

тивное тому трудолюбіе ¹.—Весьма справедливо говоришь, сказалъ онъ.—Не такъ ли точно и въ отношеніи къ истинѣ? спросилъ я: душу назовемъ мы уродливою, если произволь- Е. ную ложь она и въ самой себѣ ненавидитъ, и терпитъ съ неудовольствіемъ, и негодуетъ, когда видитъ, что лгутъ другіе, а невольную легко допускаетъ и, пойманная въ невѣжествѣ, не досадуетъ, но, какъ свинья, спокойно грязнить себя невѣжествомъ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Да и въ отноше- 536. ніи къ разсудительности, къ мужеству, къ благопристойности, и ко всѣмъ частямъ добродѣтели, продолжалъ я, не менѣе надобно наблюдать,—подкидышь ли кто, или законнорожденный; ибо неумѣющіе усматривать всего этого,—частный ли то человѣкъ, или городъ,—при всякомъ случаѣ, сами не замѣчая, будутъ пользоваться хромыми да подкидышами,—первый при выборѣ друзей, второй при выборѣ правителей.—И дѣйствительно такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Такъ намъ на- В. добно остерегаться всего этого, примолвилъ я. Если въ такую науку и въ такой подвигъ мы введемъ и будемъ воспитывать человѣка съ здоровыми членами и здоровымъ разумомъ; то и самъ судъ не укоритъ насъ, и мы сохранимъ какъ городъ, такъ и правительство: а когда приведемъ не такихъ,—во всемъ будетъ у насъ противное, и мы подвергнемъ философію еще большому осмѣянію.—Стыдно было бы, сказалъ онъ.—Конечно, примолвилъ я; но походить, что сомною и въ настоящее время приключилось нѣчто смѣшное.—Что такое? С. спросилъ онъ.—У меня вышло изъ памяти, отвѣчалъ я, что мы шутили, и что я говорилъ больше съ увлеченіемъ. Въ продолженіе разговора я смотрѣлъ на философію и, такъ какъ мнѣ казалось, что ее недостойно оскорбляютъ, то сердился на оскорбителей, и оттого,—что ни говорилъ, говорилъ съ большимъ рвеніемъ.—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; по крайней мѣрѣ мнѣ, какъ слушателю, не представлялось этого.

¹ *Χωλός δὲ καὶ ὁ τὰν πάντα τοῦτου μεταβεβληκώς τὴν φιλοπορίαν.* Хромъ и тотъ, кто своему трудолюбію сообщилъ противоположное направленіе, т. е. занимается одиными науками, нисколько не упражняя тѣла.

—Такъ представлялось мнѣ—ритору, примолвилъ я. Не забудемъ же, что при первомъ избираниіи мы избирали стариковъ, а при настоящемъ это не идетъ. Вѣдь не надобно вѣрить Солону, будто «старикъ можетъ много учиться»¹; едва ли не меньше, чѣмъ бѣгать: всѣ великіе и обширные труды свойственны юношамъ. —Необходимо, сказалъ онъ. —Итакъ, науку счисленія, геометрію и всѣ науки предварительныя, которыя должны приготавливать къ діалектикѣ, надобно преподавать дѣтямъ, не налагая на нихъ необходимости изучать самую форму преподаванія. —Почему же?—Потому, отвѣчалъ я, что свободный человѣкъ никакой наукѣ не долженъ учиться рабски: вѣдь труды тѣлесныя, будучи налагаемы силою, тѣла нисколько не дѣлаютъ хуже; для души же никакая насильственная наука непрочна. — Правда, сказалъ онъ. —Поэтому, почтеннѣйшій, примолвилъ я, воспитывай дѣтей науками не насильно, а играючи, чтобы ты тѣмъ лучше могъ усмотрѣть, къ чему которое изъ нихъ способно отъ природы. —Ты имѣешь основаніе такъ говорить, сказалъ онъ. —Помнишь ли, мы говорили, спросилъ я, что дѣтей надобно выводить и на войну, какъ зрителей, на коняхъ, и если безопасно, подводить ихъ ближе, чтобы они попробовали крови, какъ щенки?—Помню, сказалъ онъ. —Такъ кто во всемъ этомъ, продолжалъ я,—и въ трудахъ, и въ ученіи, и въ страхѣ, всегда является быстрѣйшимъ, того надобно замѣчать². —Въ какомъ возрастѣ? спросилъ онъ. —В. Когда онъ приступитъ, отвѣчалъ я, къ необходимымъ гимнастическимъ упражненіямъ. Въ это время,—два ли года будетъ продолжаться оно, или три, нельзя сдѣлать ничего дру-

¹ Указывается на извѣстную сентенцію Солона: *γῆρας δ' ἀεὶ πολλὰ διδάσκμενος*. Это мнѣніе Сократъ почитаетъ несправедливымъ въ томъ отношеніи, что изучать науку методически, преслѣдовать ея развитіе шагъ за шагомъ—легче для юноши, чѣмъ для старика. Впрочемъ, Солонъ въ своей сентенціи *πολλὰ διδάσκμενος* понималъ, конечно, практически—какъ непрестанное обогащеніе опытами жизни.

² *Τοῦτο надобно замѣчать, εἰς ἀριθμόν τινα ἐγκρίτεον*; надлежало бы перевести: того надобно брать въ расчетъ. Но у насъ эта формула прилагается только къ вещамъ и дѣйствіямъ, а не къ лицамъ.

гаго: утомленіе и сонъ враждебны наукамъ. Впрочемъ, и эта одна проба немаловажна, какимъ всякій обнаруживаетъ себя въ гимнастическихъ упражненіяхъ.—Какъ не немаловажна? сказалъ онъ.—Послѣ этого времени, продолжалъ я, вышедшіе изъ двадцати-лѣтняго возраста получаютъ большія предъ прочими отличія,—и тѣ науки, которыя дѣтямъ въ ихъ дѣтствѣ преподаны порознь, для этихъ юношей должны быть C. подведены подъ одинъ обзоръ, показывающій взаимное сродство учебныхъ предметовъ и отношеніе ихъ къ природѣ сущаго.—И такое-то лишь ученіе, сказалъ онъ, будетъ твердо въ тѣхъ, которые примутъ его. — Да вмѣстѣ оно будетъ и важнѣйшею пробою, діалектическая ли у кого природа, или нѣтъ, примолвилъ я; потому что сводитель подъ одинъ обзоръ есть діалектикъ, а не сводитель—не діалектикъ.—Я то же думаю, сказалъ онъ.—Итакъ, наблюдая, которые изъ нихъ осо- D. бенно отличаются твердостью и въ ученіи, твердостью и на войнѣ, и во всемъ, что предписано закономъ, тебѣ понадобится, продолжалъ я, изъ этихъ избранныхъ, когда они выдутъ изъ тридцати-лѣтняго возраста, сдѣлать новый выборъ, возвестъ избранныхъ къ высшимъ почестямъ и, испытывая ихъ силою діалектики, смотрѣть, кто между ними способенъ,—оставивъ глаза и прочія чувства, дѣйствительно идти къ сущему, и здѣсь-то—дѣло великой осторожности, другъ мой.—Почему же особенно здѣсь? спросилъ онъ.—Не замѣчаешь ли, отвѣчалъ я, какое великое зло происходитъ нынѣ отъ діалектики?—Ка- E. кое зло? спросилъ онъ.—Люди, занимающіеся діалектикою, едва ли не исполнены беззаконія, отвѣчалъ я.—И очень, сказалъ онъ.—Думаешьли, что они терпятъ нѣчто удивительное, и не извиняешь ихъ?—Какъ же можно? спросилъ онъ.—Да вотъ на примѣръ, продолжалъ я: пусть какой-нибудь подкидышъ воспитывался бы на большія деньги, въ многолюдномъ и важномъ семействѣ, среди многочисленныхъ ласкателей; достигнувъ же мужескаго возраста, пусть онъ узналъ бы, что произошелъ 538. не отъ этихъ, носящихъ на себѣ имя его родителей, а родившихъ себя на самомъ дѣлѣ не нашель бы:—можешь ли пред-

- сказать, какъ и къ ласкателямъ, и къ людямъ, подкинувшимъ его, будетъ онъ расположенъ въ то время, когда узнаетъ, и когда не зналъ о подлогѣ? Хочешь ли услышать мое предсказаніе?—Хочу, сказалъ онъ.—Такъ предсказываю, продолжалъ я, что онъ будетъ больше уважать отца, мать и друзей мнимыхъ родственниковъ, чѣмъ ласкателей, и меньше нерадѣть о нихъ въ случаѣ какихъ-нибудь ихъ нуждъ, меньше дѣлать и говорить въ отношеніи къ нимъ что-нибудь преступное, меньше не вѣрить имъ въ важныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ ласкателямъ, пока не узнаетъ истины. — Вѣроятно, сказалъ онъ.—А какъ скоро узналъ ее,—предсказываю опять, что уваженіе къ нимъ и внимательность въ немъ
- С. ослабѣютъ; онъ обратится къ ласкателямъ, будетъ вѣрить имъ гораздо больше, чѣмъ прежде, и обращаясь съ ними открыто, начнетъ жить уже по ихъ правиламъ, а объ отцѣ и другихъ подставныхъ родственникахъ, если не будетъ добръ по природѣ, вовсе перестанетъ заботиться. — Ты говоришь все такое, примолвилъ онъ, чтѣ можетъ быть. Но какъ этотъ примѣръ относится къ разсматриваемому предмету? — Вотъ какъ: есть въ насъ съ дѣтства начала справедливаго и прекраснаго; подъ ихъ вліяніемъ мы воспитались, какбы подъ
- Д. вліяніемъ родителей, повинуваясь имъ и уважая ихъ. — Да, есть. — Есть и другія, противныя имъ требованія удовольствія, льстящія нашей душѣ и влекущія ее къ себѣ, но неубѣждающія людей, сколько-нибудь благонамѣренныхъ, которые уважаютъ отеческое и этому повинуются. — Такъ. — Что же? продолжалъ я: положимъ, къ настроенному такимъ образомъ человѣку приходитъ вопросъ и спрашиваетъ¹, чтѣ

¹ *Приходитъ вопросъ и спрашиваетъ.* Платонъ вообще любилъ обороты рѣчи, называемыя просопопеею: но эта просопопея, по своей необыкновенности, особенно замѣчательна. Отвѣчая на вопросъ вопроса о прекрасномъ, человѣкъ, находящійся подъ двумя противоположными вліяніями законности и ласкательства, естественно долженъ затрудняться, и потому, желая угодить той и другой сторонѣ, полагаетъ, что извѣстный предметъ столь же прекрасенъ, какъ и безобразенъ. Это колебаніе сознанія на сторону истины и лжи, добра и зла, это умственное и нравственное равнодушіе есть первая инстанція разрушенія са-

есть прекрасное? Отвѣтчика, слышавшаго объ этомъ отъ законодателя, умъ долженъ обличать и, многократно всячески обличая, приводить къ мнѣнію, что это не больше прекрасно, какъ и постыдно: то же самое и о справедливомъ, и о добромъ,—о всемъ, что особенно уважалъ онъ. Послѣ сего, что, думаешь, сдѣлаетъ онъ съ этимъ относительно уваженія и послушанія?—Необходимо, сказалъ онъ, что не будетъ уже ни столько уважать, ни слушаться.—А если не признаетъ достоуважаемымъ и сроднымъ этого, какъ прежде—того, и не найдетъ здѣсь истины, примолвилъ я; то, естественно, къ какой иной жизни обратится, какъ не къ жизни ласкателей? — Не иначе, сказалъ онъ. — Стало-быть, вмѣсто человѣка, преданнаго закону, онъ покажется, думаю, беззаконникомъ. — Необходимо. — Если же таково будетъ свойство тѣхъ разсужденій, о которыхъ я недавно говорилъ, то не стоитъ ли оно извиненія? спросилъ я. — Даже сожалѣнія, примолвилъ онъ. — А чтобы не было тебѣ причины сожалѣть о тѣхъ тридцатилѣтнихъ воспитанникахъ, не нужно ли со всякою осторожностію приступать къ упомянутымъ разсужденіямъ?—И очень, сказалъ онъ. — И не въ томъ ли должна состоять вся эта осторожность, чтобы въ людяхъ молодыхъ не пробуждать къ нимъ вкуса? Вѣдь ты, думаю, замѣчалъ, что ребяташки, какъ скоро получили они вкусъ къ спорамъ, шутя злоупотребляютъ ими,—всегда расположены противорѣчить и, подражая обличителямъ, сами обличаютъ другихъ и радуются, какъ щенки, что словомъ тянуть и рвутъ приближающихся къ нимъ людей.—Чрезвычайно вѣрно¹, сказалъ онъ.—Но послѣ того,

мыхъ благородныхъ убѣжденій. Но если человѣкъ, колеблющійся въ своихъ убѣжденіяхъ, узнаетъ еще, что онъ подкидышъ, а не родной сынъ, что его природа не родственна съ тою наукою, которой онъ подкинутъ, что въ немъ нѣтъ никакого прирожденнаго основанія для сочувствованія ея внушеніямъ: то этотъ подкидышъ, захвативъ формальные дары воспитанія, преподанные ему воспринявшею его наукою, уходитъ изъ ея святилища и, совершенно предавшись ласкателямъ, преслѣдуетъ свою воспитательницу ненавистію, какъ будто бы въ ненависти находилъ возмездіе за прежнее послушаніе. Это вторая инстанція зла, на которой для истины и добра все потеряно.

¹ А мы сказали бы: чрезвычайно какъ современенъ намъ Платонъ! Діалек-

- какъ многихъ обличили и отъ многихъ сами обличены были,
- C. они неослабно и скоро приходятъ въ такое состояніе, что ни во что ставятъ все прежнее; а чрезъ это-то и сами бываютъ презираемы, и все, касающееся философіи, у прочихъ людей подвергается презрѣнію. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Напротивъ, человекъ постарше, продолжалъ я, не захочетъ поддаваться такому безумію, но, желая разсуждать и изслѣдовать, скорѣе будетъ подражать истинѣ, чѣмъ тому, кто только
- D. шутить и противорѣчить для забавы: онъ и самъ будетъ мѣрень, и предметъ изъ неуважаемаго сдѣлаетъ уважаемымъ. — Справедливо, сказалъ онъ. — Не для осторожности ли сказано и то, о чемъ говорено было прежде, что, то-есть, природы, которымъ захотятъ преподавать діалектику, должны быть скромными и твердыми? а иначе, — къ этому приступить, какъ и теперь, всякій человекъ случайный и вовсе неспособный. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Но достаточно ли для выслушанія діалектики двойное число лѣтъ, сравнительно съ временемъ тѣлесныхъ гимнастическихъ упражненій, если заниматься ею непрерывно и пристально, не дѣлая ничего другаго?
- E. — Шесть, или четыре назначаешь? спросилъ онъ. — Смѣло полагай пять, сказалъ я; ибо послѣ этого они снова должны быть препровождены у тебя въ ту пещеру¹ и начальствоватька къ на войнѣ, такъ и вездѣ, гдѣ начальствованіе прилично юношамъ, чтобы не быть имъ неопытными и во всемъ другомъ. Надобно испытывать ихъ и въ этомъ, тверды ли они будутъ, развлекае-
540. мые всюду, или станутъ нѣсколько уклоняться. — Но сколько времени назначаешь ты для этого? спросилъ онъ. — Пятнадцать лѣтъ, отвѣчалъ я. Когда же, ставъ пятидесяти-годовыми, они

тика, отрѣшившись отъ всякихъ познаній, чтобы легче было ей бѣжать, бѣжить быстро и опереживаетъ возрастъ: гулъ страшный—отъ пустоты барабана!

¹ Подъ именемъ пещеры Сократъ здѣсь разумѣетъ общество гражданъ, взаимно связанныхъ должностями. Философъ предполагаетъ, что люди, привыкшіе къ свѣту истины и наслаждающіеся созерцаніемъ высочайшаго блага, охотно не захотѣли бы сойти во мракъ пещеры и тамъ, оставивъ сущность вещей, имѣть дѣло съ тѣнями ихъ. Посему законодатель предначертаннаго государства считаетъ нужнымъ поставить имъ это въ обязанность.

сохранились и всячески отличаются дѣлами и познаніями, — надобно вести ихъ къ концу, то-есть побуждать, чтобы они наклоняли око души къ тому, что даетъ возможность всѣмъ видѣть свѣтъ. А какъ скоро имъ дано будетъ созерцать самое благо; то, пользуясь этимъ образомъ, они стануть, каждый по своимъ силамъ, въ продолженіе остальной жизни украшать и городъ, и В. частныхъ людей, и самихъ себя, — стануть много заниматься философіею, либо, если выпадетъ жребій, трудиться на гражданскомъ поприщѣ и въ свою очередь начальствовать для пользы города¹, дѣлая это не какъ что-нибудь прекрасное, а какъ необходимое, чтобы такимъ образомъ воспитать и другихъ подобныхъ и, оставивъ послѣ себя стражей городу, переселиться для жительства на острова блаженныхъ. Такимъ гражданамъ, какъ геніямъ, а не то, — даже какъ блаженнымъ богамъ, городъ долженъ воздвигать памятники и приносить жертвы, если своимъ с. отвѣтомъ подтвердить это и Пифея. — Ты, Сократъ, для города отдѣлалъ прекраснѣйшихъ правителей, будто статуйчикъ². — Да и правительницъ, Главконъ, примолвилъ я. Въдъ у меня говорилось не больше, почитай, о мужчинахъ, какъ и о женщинахъ, сколько которыя изъ нихъ по природѣ будутъ способны. — Справедливо, сказалъ онъ, если только у нихъ все, что мы разсмотрѣли, будетъ общее, наравнѣ съ мужчинами, — Что же? продолжалъ я; не согласитесь ли, что касательно D. города и управленія его мы высказали не то-чтобы одни чистыя желанія? Все это, конечно, трудно, однакожъ какъ-нибудь возможно, и возможно не иначе, какъ сказано, — если, то-есть, властителями будутъ истинные философы — одинъ или многіе, которые, находясь въ городѣ, пренебрегутъ нынѣшнія

¹ Такимъ образомъ правительственными лицами въ Платоновомъ государствѣ назначаются старцы-философы, приготовленные къ тому особеннымъ воспитаніемъ и образованіемъ, и перешедшіе чрезъ всѣ степени испытанія. Говорятъ, что Платонъ при этомъ имѣлъ въ виду лакедемонскую республику: но Спартанцы предоставляли право управленія старцамъ, основываясь только на уваженіи къ возрасту, а не къ философіи.

² То-есть, ты обтесалъ и выполировалъ своихъ правителей, будто рѣзцомъ прекрасную статую.

почести—въ той мысли, что онъ неблагородны и ничего не стоятъ, важнѣйшимъ же дѣломъ поставятъ правое и происходящую отъ того честь, равно какъ дѣломъ величайшимъ и Е. необходимымъ — правосудіе, чтобы, служа ему и возвышая его, благоустроить свой городъ. — Какимъ же образомъ? спросилъ онъ. — Всѣхъ тѣхъ въ городѣ, отвѣчалъ я, которымъ будетъ отъ роду больше десяти лѣтъ, они вышлютъ въ де- 541. ревни и, выведши этихъ дѣтей изъ подъ вліянія того нрава, какой имѣютъ ихъ родители, будутъ воспитывать ихъ своимъ образомъ и по тѣмъ законамъ, которые мы разсмотрѣли прежде. Черезъ это весьма скоро и легко составитя городъ и такое правительство, о какомъ мы говорили; и этотъ городъ какъ самъ станетъ благоденствовать, такъ и народъ, среди котораго онъ будетъ находиться, получить весьма большую В. пользу. — Конечно большую, примолвилъ онъ; и какъ осуществится тотъ городъ, если только осуществится, ты, Сократъ, кажется, раскрылъ хорошо. — Не довольно ли уже было у насъ рѣчи объ этомъ городѣ и о подобномъ ему челоувѣкѣ? спросилъ я: вѣдь явно, кажется, что и послѣдній долженъ быть такимъ, какимъ описанъ нами первый. — Явно, сказалъ онъ, и твой вопросъ представляется мнѣ оконченнымъ. —
